

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2012 – № 3

**ЕВРОПА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ**

EUROPE AND POLITICAL DEVELOPMENTS
IN THE MIDDLE EAST

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2012

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Ольга Новикова

**Актуальные проблемы
Европы №3 / 2012**

«Агентство научных изданий»

2012

УДК 331.5
ББК 66(4)

Новикова О. Н.

Актуальные проблемы Европы №3 / 2012 /
О. Н. Новикова — «Агентство научных изданий»,
2012 — (Журнал «Актуальные проблемы Европы»)

Рассматриваются новые тенденции в политике Евросоюза и отдельных европейских государств, связанные с резким обострением ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Анализируются европейские интересы в этом регионе и стратегия их обеспечения в условиях сложных трансформационных процессов в арабском мире. Прослеживается политика европейских стран в отношении Ирана и Афганистана. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 331.5
ББК 66(4)

© Новикова О. Н., 2012
© Агентство научных
изданий, 2012

Содержание

Сведения об авторах	5
Предисловие	7
Введение	9
Европа и «арабская весна» 5	13
Тунис – зачинатель «арабских революций»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Новикова

Актуальные проблемы Европы №3 / 2012

Сведения об авторах

Видясова Мария Федоровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии стран Востока, Институт стран Азии и Африки МГУ.

Vidiassova M.F. – doctor of science (Sc.D.) in History, Professor, Head of the Chair of Political Science, Institute of Asian and African Studies. Moscow State University (MSU). (polit.iaas.msu@mail.ru)

Кудряшова Ирина Владимировна – кандидат политических наук, доцент, кафедра сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Kudryashova I.V. – candidate of sciences (Ph.D) in Political Science, Prof.(Assoc.), Chair of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia; Senior researcher, INION, Russian Academy of Sciences. (kudryashova23@yandex.ru)

Мохова Ирина Михайловна – кандидат политических наук, редактор научного и общественно-политического журнала «Азия и Африка сегодня».

Mokhova I.M. – candidate of sciences (Ph.D) in Political Science. Editor of an academic journal «Asia and Africa today». (irina-mokhova@yandex.ru)

Мохов Николай Валерьевич – кандидат политических наук, заместитель начальника регионального отдела ОАО «Рособоронэкспорт».

Mokhov N.V. – candidate of sciences (Ph.D) in Political Science. Deputy Chief of regional division of JSC «Rosoboronexport». (n-mokhov@yandex.ru)

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Novikova O.N. – candidate of sciences (Ph.D) in History, Senior researcher, INION, Russian Academy of Sciences. (novikova@inion.ru).

Погорельская Светлана Вадимовна – кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Pogorelskaya S.V. – candidate of sciences (Ph.D) in Political Science, PhD (University of Bonn), Senior researcher, INION, Russian Academy of Sciences. (pogorels@mail.ru)

Подцероб Алексей Борисович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Podtserob A.B. – candidate of sciences (Ph.D) in History, Leading researcher, Centre for Arab and Islamic Studies. The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (podtserob@yandex.ru)

Рябцев Владимир Николаевич – кандидат философских наук, заведующий Лабораторией геополитических проблем Черноморско-Кавказского региона Северо-Кавказского научного центра высшей школы (Южный федеральный университет); председатель Совета Регионального центра конфликтологии и миротворчества, доцент.

Ryabtsev V.N. – candidate of sciences (Ph.D) in Philosophy. Head of the Laboratory of geopolitical problems of the Black Sea-Caucasus Region, North-Caucasus Scientific Centre

of Higher School, South Federal University; Chief of the Board of the Regional Centre of Conflictology and Peacemaking; Prof.(Assoc.). (v_ryabtsev@mail.ru)

Шлыков Павел Вячеславович – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ, председатель Совета молодых ученых ИСАА МГУ.

Chlykov P.V. – candidate of sciences (Ph.D) in History, assistant professor of the Middle Eastern History Department, Institute of Asian and African Studies. Moscow State University (MSU), Chairman of the Council of Young Scientists of the Institute of Asian and African Studies. (chlykov@gmail.com)

Предисловие

«Большой Ближний Восток», или «Расширенный Ближний Восток и Северная Африка».

История возникновения и содержание термина

С недавних пор в политическую лексику вошло понятие «Большой Ближний Восток» («Enlarged Middle East»), которое в официальных международных документах фигурирует как «Расширенный Ближний Восток и Северная Африка (РБВСА)». Оно заметно отличается от устоявшихся историко-географических представлений, подразумевая обширное пространство: от Мавритании (бывшей части Французской Западной Африки) до Ирана, Пакистана и Афганистана¹.

В вольной интерпретации некоторых западных политологов это пространство, имплицитно объявленное, хотя и под благовидным предлогом, зоной американских национальных интересов, включает также Центрально-Азиатский регион, т. е. бывшую советскую Среднюю Азию и Казахстан.

Идея оказания Соединенными Штатами содействия демократизации и развитию стран РБВСА была выдвинута президентом Джорджем Бушем-мл. в 2002 г. Многие в арабском мире расценили эту идею как намерение навязать ему силой западную модель демократии.

Это негативное впечатление усилило американское вторжение в Ирак. Помнится, одна наша коллега, преподаватель Каирского университета Айн-Шамс, сказала вскоре после этого события: «Саддам Хусейн, конечно, негодяй. Но когда я смотрела по телевизору, как сыплются американские бомбы на Багдад, то думала: “А если американцам что-то не понравится у нас, то они разбомбят Каир?”»

Вместе с тем необходимость модернизации была очевидна и самим лидерам арабских стран. Так, в мае 2004 г. на сессии Совета Лиги арабских государств (ЛАГ), прошедшей на высшем уровне в Тунисе, был принят документ «Путь развития, обновления и реформ», в котором выражалась твердая решимость стран – членов ЛАГ осуществить социально-экономические, политические и культурные реформы, взаимодействуя с неправительственными организациями и «всеми слоями общества». Но там же оговаривалось, что такие перемены должны соответствовать культурным и религиозным традициям народов региона [Масират ат-татвир...].

Опасения арабов несколько уменьшило подключение к идее реформирования РБВСА «группы восьми», которая на саммите на Си-Айленде в июне 2004 г. одобрила документ «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки», в котором фиксировалась готовность «восьмерки» оказывать содействие странам РБВСА в продвижении к демократии. Отмечалось, что в проведении реформ наряду с правительствами должны принимать участие институты гражданского общества и деловые круги, а также акцентировалось, что осуществление преобразований приведет к росту среднего класса и его более широкому вовлечению в управление государством.

В практическом плане было сделано немного. Европейский союз оказал помощь в организации выборов на Палестинских территориях, Франция и Италия предоставили поддержку проведению выборов в парламент Йемена (2003). ЕС, Франция и Великобритания помогали совершенствованию судебных систем Сирии, Иордании, Палестинских террито-

¹ Последние три страны в русскоязычной литературе принято относить к Среднему Востоку.

рий, Франция и Великобритания – модернизации средств массовой информации Египта, САР, Ливана, Марокко. Кроме того, США, Франция, Германия, Япония, Канада и Фонд ООН для развития в интересах женщин оказывали содействие процессам эмансипации женщин в странах РБВСА.

Для поддержания диалога между «восьмеркой» и 19 странами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки был создан «Форум будущего», последнее заседание которого состоялось 12–13 января 2011 г. в Дохе [см.: Инициатива...]. Это произошло накануне падения в Тунисе авторитарного режима президента Бен Али, которое стало первым звеном в цепи арабских «революций». Двусмысленная роль в их развитии ведущих держав НАТО хорошо известна, тогда как результаты, пусть пока промежуточные, вызывают больше разочарований, чем надежд.

Литература

Инициатива «большой восьмерки» и Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки. Форум будущего // 7-й Форум будущего. – Режим доступа: <http://forumfuture.qatar-conferences.org/RU/Pages/GeneralInformation.aspx>

Масират ат-татвир ва ат-тахдис ва аль-ислах /на арабском языке = Путь развития, обновления и реформ// La Presse de Tunisie. – 2004. – 24.05.

М.Ф. Видясова, А.Б. Подцероб

Введение

Европейцы приходят к пониманию того факта, что в ближайшие десятилетия именно в регионе Ближнего и Среднего Востока формируется эпицентр бурь и потрясений, которые окажут огромное воздействие на развитие Европы.

Европа хочет стабильности в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, но имеет при этом в виду интересы не населения этих стран, а свои собственные. Этот регион важен для Европы в связи с проблемами, связанными с миграцией, энергетическими ресурсами² и безопасностью.

Миллионы арабов живут в Европе, политика ассимиляции не увенчалась успехом. Марин Лё Пен, лидер крайне правой организации Национальный фронт, призывает к выдворению иммигрантов и пользуется поддержкой 21 % населения Франции. Похожая картина в других странах Европы. Но поток иммигрантов не прерывается. Север богат и «стар», Юг беден и «молод». Медиана возрастного состава³ в Италии и Испании – 40 (лет), а в Тунисе – 25, в Египте, Ливии, Марокко – 22, в Сирии – 19, в Йемене – 16. Миллионы молодых безработных и миллионы людей, живущих менее чем на два доллара в день, стремятся к социальной справедливости и к получению работы не меньше, чем к реализации права голоса на выборах руководителей своих государств. Обманутые в своих ожиданиях, они двинутся в Европу. Европейские лидеры много говорят сейчас о необходимости демократических преобразований на Ближнем и Среднем Востоке, но более насущная проблема для Европы – бурный поток нелегальной иммиграции из бушующего региона.

В акциях социального протеста на Ближнем и Среднем Востоке участвуют молодежные движения, представители светского верхнего класса и исламисты, которые при проведении демократических выборов в состоянии собрать около трети голосов избирателей. Такие выборы уже прошли в Тунисе, Марокко и Египте, где победили умеренные исламисты, а не экстремисты, хотя неумеренные салафиты в лице консервативной партии-коалиции «Нур» («Свет») получили 24 % депутатских мандата в Народном собрании Арабской Республики Египет.

В свете бурных политических процессов на Ближнем Востоке и в Северной Африке Европейский союз (ЕС) вынужден реформировать свою политику в данном регионе. Согласно решению глав государств и правительств от 4 февраля 2011 г., Европейская политика соседства (ЕПС)⁴ и Средиземноморский союз должны и в будущем задавать параметры и масштабы сотрудничества с государствами Южного Средиземноморья. ЕС 8 марта 2011 г. утвердил Совместное заявление верховного представителя Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности и Европейской комиссии «Партнерство во имя демократии и общего процветания Южного Средиземноморья», а 25 мая дополнил его пересмотренной политикой европейского соседства [A New response to... 2011]. Это предложение устанавливает новые отношения между ЕС и его соседями, основанные на взаимной ответственности и принципе «больше (помощи, интеграции) за больше (демократических реформ)». Среди прочего в документе содержится обязательство «поддержать учреждение Европей-

² Зависимость государств Евросоюза от нефти Ближнего Востока и Северной Африки – более 30 %. Цены на нефть подскочили.

³ Медиана возрастного состава – такое значение возраста, которое разбивает все население или группу населения на две равные части: людей младше данного возраста и людей старше данного возраста

⁴ Страны, включенные в сферу Европейской политики соседства в Средиземноморском регионе: Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Сирия, Тунис, а также Палестинская автономия.

ского фонда демократии для помощи политическим партиям, незарегистрированным неправительственным организациям, профсоюзам и другим социальным партнерам».

«Арабские революции» поставили под вопрос деятельность Средиземноморского союза, который и до известных событий сталкивался с большими проблемами в осуществлении таких основополагающих проектов, как борьба с загрязнением бассейна Средиземного моря, создание морских и наземных транспортных путей, поддержка общих правовых норм, план по использованию солнечной энергии, создание Евросредиземноморского университета, бизнес-инициативы. Проект Средиземноморского союза (полное название проекта – «Барселонский процесс: Союз для Средиземноморья») был призван заменить собой Барселонский процесс. В свете новых событий проекты Союза кажутся далекими от актуальных нужд арабских народов, вставших на путь социально-политических перемен. Вопрос в том, насколько активной станет политика Союза в этом регионе. Но, несомненно, деятельность Союза будет сильно политизирована. Игнорировать внутривосточное развитие региона будет невозможно. Напомним, что Средиземноморский союз не является инструментом ЕС, и странам, не являющимся членами Евросоюза, предоставлены равные права со странами ЕС в сфере принятия решений. Однако многое будет зависеть от новой линии Евросоюза. Если Евросоюз займет вполне определенную позицию в поддержку политических реформ в арабских странах, введет политические критерии при осуществлении проектов, политизирует свою деятельность, то ряд стран Средиземноморья могут оказаться за бортом.

Евросоюз уже имел опыт проведения трансформационных процессов. Разумеется, страны Южного Средиземноморья нельзя сравнивать с государствами Центральной и Восточной Европы. Однако можно выделить ряд вопросов, которые, как показывает опыт трансформации восточноевропейских стран, могут встать перед реформаторами. Вполне возможна ностальгия по старым временам Мубарака и Бен Али. Завышенные ожидания неминуемо приведут к разочарованиям. Какова будет судьба свергнутых политических и экономических элит? Бывшие правящие партии в Египте и Тунисе распущены, но сами члены этих партии остались. Можно ли заставить могущественные секретные службы действовать в соответствии с демократическими законами? Кроме того, известно, что во время демократического транзита в странах ЦВЕ ключевую роль играло гражданское общество. Но оно на Ближнем Востоке и в Северной Африке часто создается усилиями западных доноров, но не везде. Например, первая в арабском мире Тунисская лига за права человека, сложившаяся в 1976 г. и официально учрежденная 7 мая 1977 г., не была создана «усилиями западных доноров». Кто уж ей покровительствовал, так это Василя Бургиба, жена президента Бургибы. Как найти верный баланс внешних инициатив и местных приоритетов и интересов, которые часто приходят в столкновение друг с другом? Неправительственные организации на Большом Ближнем Востоке – это только часть гражданского общества. Как включить в процесс демократических преобразований людей, исповедующих политический ислам? Необходимо задуматься о том, какая политическая модель – президентская или парламентская – приведет к укреплению демократии. А может быть, попытаться доказать легитимность новых режимов, направляя все усилия на борьбу с безработицей, на экономическое развитие и проведение реформ в сфере социального обеспечения? В странах Центральной и Восточной Европы переход к демократии не сопровождался (за исключением Югославии) войнами и насилием. Удастся ли их избежать на Ближнем Востоке и в Северной Африке? И каким образом? Для стран ЦВЕ заманчивой оказалась перспектива вступления в Евросоюз при условии выполнения определенных требований. Вряд ли Европейская политика соседства или Средиземноморский союз смогут сыграть главную роль в процессе общественно-политических трансформаций Ближнего и Среднего Востока.

С самого начала «арабской весны» Турция пыталась подтвердить взятую на себя роль регионального лидера, особенно в условиях унижения Ирака и падения влияния Ирана на

арабский мир. Хотя Турция и не воспротивилась решению НАТО осуществить воздушные налеты на позиции сторонников Каддафи, однако она выступала за мирное разрешение проблемы с помощью переговорного процесса. Действия Турции в связи с гибелью турецких граждан на судне из состава «флотилии свободы» расцениваются экспертами как попытка играть определенную роль и в палестинских делах. Как известно, Р. Эрдоган призвал арабские страны поддержать заявку Палестины на членство в ООН.

Можно предположить, что, проводя столь активную политику на Большом Ближнем Востоке, Анкара пытается продемонстрировать ЕС свою значимость как державы, которая имеет ключ к дверям региона, столь важного для Европы. Она хочет дать понять Европе, что Турция всегда найдет общий язык с мусульманскими странами и что она в состоянии оказывать на них влияние в нужном для Европы направлении.

Вместе с тем очевидно, что Анкара пытается представить свою модель развития как удачное сочетание ислама и демократии, хотя Турция официально является светским государством, которое долгие годы в качестве стратегической цели имело вступление в ЕС. Принимая во внимание такую двойственную природу государственной организации Турции, Европа продолжает оказывать влияние на Турцию в плане развития там демократии европейского образца. Эффективное средство достижения этой цели – деятельность европейских неправительственных организаций.

Даже на фоне развития событий в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии и Йемене европейцы продолжали пристально следить за ситуацией вокруг ядерной программы Ирана. В Европе заметили, что 5 апреля 2011 г. Иран объявил о создании центрифуг нового поколения, количество которых должно достигнуть 12–14 тыс. единиц. В результате уже к 2015 г. Тегеран может стать обладателем ядерного оружия, что, несомненно, повлияет на политическую ситуацию на всем Ближнем и Среднем Востоке. В этом случае Соединенные Штаты совместно с Израилем могут решиться на проведение превентивной военной операции против Исламской Республики Иран (ИРИ). Что касается европейских стран, то они будут вынуждены определиться со своей стратегией в этом регионе. Недавняя военная операция Франции, Великобритании и США в Ливии неизбежно заставит иранское руководство прийти к выводу о том, что единственным средством, способным предотвратить военную акцию со стороны западных держав, является обладание ядерным оружием.

В зоне постоянного внимания европейцев по-прежнему находится соседнее с Ираном государство – Афганистан. Европейские государства пытаются осуществлять здесь целый ряд функций, главные из которых – ведение военных действий против движения «Талибан» в составе сил НАТО и государственное строительство. Усилия международного сообщества после 2001 г. представляют собой новый раунд интернационализированного государственного строительства. По мнению Б. Рубина (Центр международного сотрудничества Нью-Йоркского университета), государственное строительство заключается в мобилизации трех типов ресурсов: принуждение, капитал (совокупность реальных и финансовых активов) и легитимность [Rubin B.R., 2006, p. 179]. Главный финансовый институт, который руководит мобилизацией ресурсов, – это бюджет. Предоставление помощи, минуя бюджет страны-реципиента, препятствует развитию успешного и самостоятельного управления. Сегодня руководители Афганистана ведут переговоры с внешними акторами с целью получения помощи (капитала) для государственного строительства и укрепления безопасности. Несмотря на то что в стране были проведены президентские (2009) и парламентские (2010) выборы, местные граждане зачастую чувствуют себя лишенными возможности реально влиять на принятие решений, потому что лидеры страны обращаются не к своим гражданам, а к иностранным партнерам для подтверждения своей легитимности и власти. Таким образом, легитимность в Афганистане имеет двойственный характер: легитимность с точки зрения международного сообщества и легитимность с точки зрения самих граждан.

Что касается демократического развития, то на нынешнем этапе внедрение демократии в Афганистане представляется сомнительным, однако значительная часть граждан полагает, что демократия совместима с исламскими ценностями [Dalton R.J., 2008, p. 87]. Следует заметить, что после 2006 г. у значительной части населения Афганистана возникло заметное разочарование ходом процессов демократизации и сомнения относительно способности демократии работать во благо каждого гражданина. Процесс демократизации связан с необходимостью соответствующей трансформации местной политической культуры, между тем создается впечатление, что в последние несколько лет общественное мнение страны движется в противоположном направлении.

Литература

Dalton R.J. The road to democracy in Afghanistan // State building, security, and social change in Afghanistan. Reflections on a survey of the Afghan people / Ed. by Rennie R. // Asia Foundation. – Kabul, 2008. – P. 65–87. – Mode of access: <http://www.asiafoundation.org/publications/force-download.php?f=%2Fresources%2Fpdfs%2F2008surveycompanionvolume%2Ffinal.pdf>

A New response to a changing neighbourhood: A review of European neighbourhood policy: Joint communication by the High representative of The Union for foreign affairs and security policy and the European Commission. COM (2011) 303. – Brussels, 2011. – May 25. – Mode of access: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com_11_303_en.pdf

Rubin B.R. Peace building and state-building in Afghanistan: constructing sovereignty for whose security? // Third World quarterly. – 2006. – Vol. 27, N 1. – P. 175–185. – Mode of access: http://www.ssrnetwork.net/uploaded_files/3389.pdf

О.Н. Новикова

Европа и «арабская весна»⁵

И.В. Кудряшова

Аннотация. Статья содержит анализ рамок взаимодействия ЕС / Запада и Арабского Востока в постбиполярную эпоху. На основе эмпирической базы автор исследует события 2010–2011 гг., порожденные сложным сочетанием внутренних и внешних факторов, имеющих особую конфигурацию для каждой страны. В заключение рассматривается феномен «исламизации» политического пространства региона и подчеркивается объективный и современный характер этого процесса.

Abstract. The article explores the framework of cooperation between the EC / West and the Arab countries in the post-bipolar era. Using empirical data, the author examines the overwhelming events of 2010–2011, generated by a complex combination of external and internal factors that have a specific configuration for every country. It is concluded that on-going Islamization of political space in the region can be regarded as consistent and modern.

Ключевые слова: Барселонский процесс, Средиземноморский союз, «Расширенный Ближний Восток», демократизация, мусульманское общество, политический ислам, гибридный режим, политическое развитие, «арабская весна».

Keywords: Barcelona process, Mediterranean union, «Greater Middle East», democratization, reform, Muslim society, political Islam, hybrid regime, political development, «Arab spring».

В XX в. отношения Европы и арабских стран складывались непросто. Коллективная память арабов хранит воспоминания о декларации Бальфура, создании Израиля и войнах за освобождение Палестины, о мандатной системе Лиги Наций, установленной Антантой во имя «священной миссии цивилизации», о тяжелейшей борьбе за независимость, о геополитическом соперничестве сверхдержав и их союзников, раскалывавших «арабское отечество» на противоборствующие лагеря, о порожденных заимствованными стратегиями развития социокультурных и политических проблемах, особенно острых там, где их не «смягчали» весьма значительные запасы углеводородов.

Распад социалистической системы и самого СССР привел к эрозии эгалитаризма и резкому усилению капиталистической интернационализации, для которой не осталось отгороженных «железным занавесом» пространств. Новая Россия не проявила стратегического интереса к сотрудничеству с арабским миром. Он оказался наедине с Западом и его стратегическими интересами, имеющими в регионе достаточно противоречивый характер: это экономическая либерализация, политические реформы, поддержка Израиля и сохранение стабильности ради собственной энергетической безопасности и успешной борьбы с исламистским терроризмом.

Для новых экономических и политических реалий требовались новые форматы взаимодействия. Одни из них были разработаны и реализованы Европейским союзом (ЕС), другие – в первую очередь США при европейском участии. Собственно, активные действия Запада, особенно в 2000-х годах, по консолидации под своим влиянием этой части международной периферии породили многочисленные комментарии о «руке империализма» в событиях, за которыми закрепилось название «арабская весна»⁶.

⁵ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-03-00468 «Ислам и современное политическое развитие мусульманских государств».

⁶ Под «арабской весной» имеются в виду массовые антиправительственные выступления в странах Ближнего Востока, начавшиеся в декабре 2010 г. с волнений в Тунисе.

Опуская материалы, написанные в логике «всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх» (Высоцкий), мы хотели бы признать правоту тех авторов, которые отмечают значение внешних факторов в сегодняшних арабских кризисах. Однако, по нашему мнению, их воздействие имело очень неоднозначный характер: в большинстве случаев оно проявилось опосредованно, не было доминирующим и имело макрорегиональную («расширенно-ближневосточную»), а не американскую или европейскую привязку. Одновременно это означает признание спонтанности и автохтонности «арабской весны», ее неожиданности для Европы и мира в целом. Чтобы аргументировать нашу позицию и оценить перспективы европеизации арабских отношений в свете происходящих трансформаций, представляется необходимым осветить следующие вопросы: а) результаты освоения ближневосточного пространства западной коалицией / ЕС в 1990–2000-х годах; б) факторы выживаемости и дестабилизации арабских режимов; в) перспективы преодоления кризиса в условиях «исламизации» политического процесса.

Запад: проекты и реальная политика

Освобождение Кувейта силами многонациональной коалиции во главе с США в 1991 г. стало первым масштабным актом вхождения Запада в ближневосточное пространство после распада биполярности. Успех этой операции рельефно выявил новые возможности установления многостороннего контроля над регионом и его подключения к процессам формирования нового мира. Арабский Восток вновь начал восприниматься как естественная зона для европейского расширения.

В начале 1990-х годов Европейский союз приступил к подготовке проекта Евросредиземноморского партнерства (EUROMED)⁷, старт реализации которого был дан учредительной конференцией в Барселоне (1995). Проект имел как двусторонний (страновые соглашения об ассоциации с ЕС), так и макрорегиональный (интеграционный) характер и был направлен, особенно учитывая участие Израиля, на установление новой рамки геополитического взаимодействия с арабскими соседями.

Партнерство имело три измерения: политическое, финансово-экономическое и социокультурное. Первое выражалось в намерении превратить Средиземноморье в зону мира и стабильности, что подразумевало продвижение законности и демократии, уважение прав человека, борьбу с терроризмом, контроль над вооружениями и пр. Второе предусматривало либерализацию предпринимательской деятельности, экономическое сотрудничество, финансовую поддержку и образование в перспективе зоны свободной торговли. Третье было нацелено на диалог между религиями и культурами и развитие человеческих ресурсов, в том числе через образование, здравоохранение и свободную миграцию [см.: Barcelona declaration... 1995].

В 2004 г. произошло дополнение EUROMED стратегией Европейской политики соседства (ENP), в которую после снятия санкций вошла также и Ливия. Инструменты ENP были призваны содействовать более интенсивному политическому диалогу, расширению доступа к программам ЕС и усилению сотрудничества в сфере законности и внутренней политики.

Несмотря на наличие постоянного механизма обсуждения, организационной структуры и специального бюджета, результаты реализации евросредиземноморской инициативы к середине 2000-х годов выглядели неоднозначно. В частности, эксперты отмечали отсутствие ясного политического посыла, недостаточность усилий по запуску реформ, несбалан-

⁷ *Евросредиземноморское партнерство (Барселонский процесс)* – соглашения об ассоциации ЕС и восьми арабских стран Южного и Восточного Средиземноморья (включая Палестинскую национальную автономию), а также Турции и Израиля; статус наблюдателя имели Ливия, Мавритания, Лига арабских государств и Союз арабского Магриба.

сированность отношений между членами ЕС и партнерами, медлительность в финансовом сотрудничестве, бюрократизацию и пр. [Rhein E., 2005, p. IX-X]. Самир Амин прямо назвал партнерство банкротом из-за отсутствия подлинного диалога между Европой и арабами, стремления «навязать» интеграции Израиль и раздел единого арабского мира на «средиземноморский» и «несредиземноморский» [Amin S., 2005, p. 90]. Субрегиональную (арабскую) интеграцию крайне затрудняли несбалансированная интегрирующая среда, т.е. однотипное и при этом неравномерное развитие, и политические разногласия.

Крайне негативное влияние на деятельность EUROMED оказала война в Ираке, начатая в 2003 г. США при поддержке многонациональной коалиции. На юбилейном саммите 2005 г. из арабских лидеров присутствовал только глава Палестинской национальной автономии Махмуд Аббас.

Вдохнуть жизнь в затухающее сотрудничество был призван проект нового союза, который ограничил бы число участников партнерства средиземноморскими странами. Выдвинутый Николя Саркози во время президентской кампании 2007 г., он нес четыре основные идеи: пересмотр прежней неэффективной политики; усиление роли Франции как главного игрока в Средиземноморье; повышение роли региона в глобальной экономике (что подразумевало прямой доступ ЕС к газовым месторождениям Северной Африки); решение проблемы нестабильности южных рубежей. Однако французская инициатива встретила сильное противодействие со стороны Германии, воспринявшей ее как продвижение национальных интересов Франции за счет ЕС. В итоге проект Средиземноморского союза (UfM) был представлен как естественное продолжение Барселонского процесса и региональное дополнение Европейской политики соседства. Его стратегическими целями остались экономическая интеграция и демократические реформы, хотя приоритетные направления были «приземлены» и конкретизированы. Это борьба с загрязнением Средиземного моря, развитие транспортной инфраструктуры, открытие совместного университета, содействие малому и среднему бизнесу и др. [см.: Euro-Mediterranean...].

Размышляя о не слишком эффективной политике ЕС по «европеизации» Восточного и Южного Средиземноморья, следует учитывать деятельность других внешних акторов, в том числе с «европейской компонентой», – НАТО, «группы восьми», финансовых институтов ООН и, конечно, США, которые в качестве своей внешнеполитической цели стали рассматривать продвижение реформ на Арабском Востоке.

В 1994 г. был запущен Средиземноморский диалог, мыслившийся как форум сотрудничества в целях содействия региональной безопасности и лучшему взаимопониманию между НАТО, Израилем и шестью арабскими странами⁸. По оценке специалистов, эта структура объективно была обречена на достаточно ограниченную роль из-за политических разногласий между участниками, и ее скорее можно назвать инструментом укрепления доверия и превентивной дипломатии [Orfy M.M., 2011, p. 28–29]. В 2004 г. она была дополнена Стамбульской инициативой сотрудничества⁹, принятой в целях развития практического двустороннего сотрудничества с заинтересованными странами региона [см.: NATO elevates...].

В 2004 г., после вторжения в Ирак, США на саммите G8 выдвинули мегаплан «Расширенного Ближнего Востока»¹⁰, предусматривающий ускоренное продвижение политических и экономических реформ на огромной территории от Мавритании до Пакистана¹¹.

⁸ Участниками диалога являются Тунис, Марокко, Мавритания, Алжир, Египет и Иордания.

⁹ Участниками инициативы являются Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ.

¹⁰ Официальное название – «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом расширенного Ближнего Востока и Северной Африки».

¹¹ Инициатива включала пять основных компонентов: создание организационных рамок для обсуждения реформ представителями гражданских структур; формирование группы помощи демократическим реформам с участием организаций США и ЕС; учреждение многостороннего фонда для продвижения политических изменений; учреждение Ближ-

Он был критически воспринят – и не только в арабском мире – по целому ряду причин: безапелляционного тона, игнорирования разнообразия региона, отсутствия каких-либо консультаций, в том числе с европейскими партнерами, замалчивания арабо-израильского конфликта и др. «Мы не заинтересованы в продолжающихся разговорах о “расширенном Ближнем Востоке”. Мы заинтересованы в нашем арабском регионе... Арабский путь к реформе будет осуществляться в соответствии с арабскими приоритетами», – так выразил отношение к этому плану бывший египетский президент Хосни Мубарак [Al-Ahram, 2004]. Одновременно у администрации Джорджа Буша не возникло обоснованных идей относительно того, как можно добиться поставленных задач, если не считать предложения работать над соглашением о зоне свободной торговли (по аналогии с EUROMED) и специализированных программ Госдепартамента в рамках Инициативы ближневосточного партнерства (MEPI) [см.: Alterman J.B., 2004, p. 84–85]. Основным каналом «продвижения демократии» стали постоянное внешнеполитическое давление и деятельность различных правительственных и неправительственных организаций (Агентство США по международному развитию (USAID), Национальный фонд поддержки демократии (NED) и др.) по развитию гражданского общества. С приходом к власти Барака Обамы и началом мирового экономического кризиса финансирование подобных политических структур и программ было значительно сокращено.

По нашему мнению, США придавали и придают огромное значение «построению демократии» в Ираке, рассматривая его как своего рода «пилотный проект» мегаплана. Однако в 2006 г. из-за истощения финансовых и военно-технических ресурсов началась пробуксовка «войн за демократизацию», да и вся политика «принуждения к партнерству», как охарактеризовал ее Алексей Богатуров [Богатуров А.], оказалась в подвешенном состоянии. Двойственный характер имела известная речь Обамы в Каире (2009), где он много говорил об уважении к исламу, воле народов и суверенитете Ирака, но также о приверженности демократии и готовности повсюду поддерживать права человека [Obama B.].

Экономические реалии, привнесенные капиталистической интернационализацией 1990-х годов, имели для арабского мира очень неоднозначные последствия. Либерализация экономики¹² и сотрудничество с такими международными институтами, как МВФ и Всемирный банк, позволили ему подключиться к мировым хозяйственным связям, привлечь инвестиции, получить технологическую поддержку, осуществлять инфраструктурные программы и др., но вместе с тем сделали заложником мировой экономической конъюнктуры. Страны, которые прибегали к помощи МВФ, были вынуждены соблюдать финансовую дисциплину и ограничивать социальную нагрузку бюджета. Особенно болезненно это было для тех, кто не входил в круг крупнейших экспортеров углеводородов и имел в силу прошлой «социалистической ориентации» значительный государственный сектор экономики (Египет, Тунис, Сирия). Реформа этого сектора помимо социально-экономических последствий была «идейно чувствительной» в силу его привязки к борьбе за независимость, арабскому социализму и принципам эгалитаризма.

В результате структурной перестройки экономики в соответствии с крайне консервативным (или, точнее, неолиберальным) Индексом экономической свободы¹³ 2010 г. «преимущественно свободными» были признаны Бахрейн и Катар, «умеренно свободными» –

невосточного корпуса грамотности; запуск пилотной программы для поощрения предпринимательства, формирования среднего класса, гражданского образования, новых неправительственных организаций и тренинга политических лидеров в вопросах демократии.

¹² С 1995 по 2005 г. в ВТО вступили следующие государства – члены Лиги арабских государств: Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Катар, Кувейт, Мавритания, Марокко, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия, Тунис; еще семь арабских стран являются кандидатами.

¹³ Ежегодно рассчитывается «Херитедж фаундейшн» и «Уолл-стрит джорнал»; страны приведены в соответствии с занимаемым местом по нисходящей.

Кувейт, Оман, ОАЭ, Иордания, Королевство Саудовская Аравия (КСА), «преимущественно несвободными» – Ливан, Марокко, Египет, Тунис, Алжир, «подавляемыми» – остальные¹⁴ [2010 Index...].

Мировой кризис 2008–2009 гг. по-разному, но очень значительно затронул Арабский Восток, увеличив социально-политическое давление на правящие элиты. Рост цен на продовольствие в первую очередь ударил по ненефтяным экономикам (регион является крупнейшим в мире импортером зерновых и продуктов питания). Прежде всего это коснулось Йемена, Магриба, Иордании, Ливана, а также Египта, осуществлявшего субсидирование основных продуктов питания. Наиболее диверсифицированные экономики (Египет, Иордания, Ливан, Марокко и Тунис) пострадали от сокращения внешнего спроса (снижения туристического потока, уменьшения перечислений рабочих-иммигрантов и прямых иностранных инвестиций). Нефтепроизводители выиграли от роста цен на сырье, но высокие цены поддерживались за счет существенного сокращения производства. Они также понесли большие потери от кризиса ликвидности и замораживания оптовых рынков [подробнее см.: *Economic development...; 2010 Economic prospects...*].

Как же оценить сотрудничество региона с Европой / Западом в 1990–2000-х годах? С одной стороны, оно вызвало распространение рыночных механизмов, рост ВВП, а также стандартов жизни, информационной открытости, уровня образования, способствовало появлению новых групп интересов, которые хотели бы влиять на принятие политических решений, с другой – не продвинуло демократические реформы, т. е. политическую инфраструктуру урегулирования будущих кризисов. Государственная бюрократия, военные и другие клики продолжали доминировать в политическом процессе. Ниже мы анализируем его более подробно.

Стабильность и кризис арабских режимов

С началом постбиполярной эры и активного подключения к капиталистической интернационализации / глобализации арабские элиты были вынуждены задуматься о проведении политических реформ с целью укрепления легитимности на международной и внутренней арене. В той или иной степени реформы затронули как республиканские, так и монархические системы. Приведем лишь некоторые примеры: 1989 г. – после более чем двух десятилетий «каникул» возобновлены парламентские выборы в Иордании; 1990 г. – расширен состав сирийского парламента за счет увеличения квоты для независимых депутатов; 1992 г. – восстановлены регулярные выборы в Кувейте, принят «Основной закон о государственной власти» и образован Консультативный совет в КСА¹⁵; 1993 г. – первые многопартийные выборы в Йемене; 2002 г. – муниципальные выборы (с участием женщин) и выборы в Палату представителей в Бахрейне; 2003 г. – принятие Конституции в Катаре, провозгласившей принцип прямых выборов в будущую законодательную ассамблею; 2005 г. – частичные муниципальные выборы в КСА, первые альтернативные прямые президентские выборы в Египте и наделение женщин Кувейта пассивным и активным избирательным правом; 2006 г. – первые частичные (половины из 40 депутатов) непрямые выборы в Национальный федеративный совет ОАЭ¹⁶ при установленной квоте каждого из эмиратов и расширение состава Консультативного совета КСА до 150 членов. С 2003 г. в КСА (при формальном, как и в других аравийских монархиях, запрете политических партий) стал функционировать Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза с целью создать «новую среду, способствующую

¹⁴ Для сравнения: индекс КСА – 64,1, Египта – 59,0, Алжира – 56,9, России – 50,3 [2010 Index...].

¹⁵ Королевство Саудовская Аравия.

¹⁶ Объединенные Арабские Эмираты.

щую диалогу между различными секторами общества во имя продвижения общественного интереса и консолидации национального единства на основе ислама». Ежегодные раунды диалога через организацию широких дискуссий и собраний последовательно на локальном, провинциальном и национальном уровнях посвящены актуальнейшим вопросам в жизни общества: от «террористического подполья» (обвиняющего короля в отходе от исламских норм) до прав и обязанностей женщин и взаимодействия с другими культурами и миром [см.: Марказ аль-малик...].

Однако одновременно с либерализацией имело место ужесточение контроля над СМИ, уровнем политических прав и свобод и оппозицией (чаще всего под предлогом борьбы с исламистским экстремизмом). В первую очередь это касалось влиятельных исламистских организаций. Например, в Тунисе при формальном сохранении многопартийности бывший президент Зин аль-Абидин Бен Али в 1992 г. запретил партию «Ан-Нахда» («Возрождение») и обеспечил политическую монополию собственной Конституционной демократической партии. Мубарак сохранил в Египте действие закона о чрезвычайном положении, введенного после убийства президента Анвара Садата в 1981 г., и отказался легализовать крупнейшую оппозиционную ассоциацию «Братья-мусульмане», члены которой участвовали в выборах либо в качестве независимых кандидатов, либо в блоке с другими партиями, заведомо проигрывая «партии власти». Более того, в поправках к Конституции, внесенных в 2007 г., содержался запрет на создание партий на основе религии и ссылок на религию, а выдвижение кандидата на пост президента могло быть осуществлено только зарегистрированной партией. В официальном дискурсе при Мубараке одновременно присутствовали элементы национализма, арабизма, социализма и ислама. Бюрократический контроль над идейно-политической сферой привел к застою не только в политической, но и в культурной жизни. В стране резко упали число и тиражи издаваемых газет, журналов, книг.

В Сирии, где в 2000 г. власть после смерти президента Хафеза Асада перешла к его сыну, была конституционно закреплена ведущая роль левоцентристской партии Баас, которой принадлежало право выдвижения кандидата в президенты. Национальный прогрессивный фронт, состоящий из Баас и ее союзников, в 2007 г. получил на парламентских выборах 167 мест из 250. И в Сирии, и в Египте значимую роль в общественно-политической жизни играла армия, имевшая собственную экономическую базу, состоявшую из промышленных предприятий, строительного бизнеса, пенсионных фондов и др.

В Ливии Муаммар Каддафи эффективно использовал традиционные институты (союзно-вассальные связи племен и ислам). Племенной этос¹⁷ был соединен с «третьей мировой теорией», которая трактовала демократию как систему народного самоконтроля. Все население страны делилось на первичные народные собрания. Всеобщий народный конгресс по сути представлял собой разновидность великого совета, одобрявшего решения первичных собраний, но не делавшего политику. Подлинным законом общества в «Зеленой книге» были провозглашены ислам вкупе с обычаем. Власть стала принадлежать всем – и вопрос о ее подотчетности как бы отпал. В таких условиях не нужна была и формальная институционализация лидерства: Каддафи стал «просто» вождем. Единственными живыми политическими организмами оказались законсервированные традиционалистские силы – племена и разнообразные исламские группы.

Причудливое сочетание авторитарных и либеральных начал позволяет определить выживаемость арабских режимов в 1990–2000-х годах как комбинацию функций репрессивного принуждения и легитимности, при которой уровень репрессий остается относительно стабильным, а уровень легитимности и ее источники изменяются. Вовне в институ-

¹⁷ *Этос* (греч. – обычай, нрав, характер) – термин древнегреческой философии, обозначающий совокупность устойчивых, стабильных черт характера индивида вследствие его неизменности.

циональном плане легитимность обеспечивали новые или реорганизованные политические и общественно-политические институты (выборы, партии, неправительственные организации, гуманитарные фонды) и либо бюрократическая ротация в элитах, либо их расширение за счет представителей бизнеса, технократов, получивших образование на Западе и использующих общий с ним язык. Широкое распространение получила «экономизация» политического дискурса, т. е. удерживание конкретных экономических решений и программ в публичном поле.

Использование современных политических форм свидетельствовало, безусловно, о проникновении в регион новых политических стандартов, но не о демократизации. Умеренно-альтернативные выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций имели целью кооптацию во власть представителей патримониальных структур ради поддержания национальной консолидации «без размежевания». Но и большинство населения в силу доминирования парохияльно¹⁸-подданнического¹⁹ типа культуры голосовало (там, где действовал институт выборов) не за партийные программы или идеологию, а за кандидатов, которые, как предполагалось, обеспечат им определенные услуги (не общественные блага, но помощь в поиске работы, получении лечения и др.). Уровень электоральной активности был низким: например, в Египте в парламентских выборах 2005 г. принимали участие менее 28 % избирателей, президентских – менее 24 % [Shehata S., 2008, p. 114]. Агрегация интересов преимущественно через патрон-клиентские связи (это также очень характерно для монархических систем, где поддерживается система неформального доступа к власти имущим) определяла статичность политического процесса.

Как ни парадоксально, но реально действующими социальными организациями, способными обеспечить лояльность индивидов, служить сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов, оставались мусульманские общины. Этим обусловлено и влияние исламистских организаций как единственной автономной оппозиционной политической силы.

В политической науке наиболее распространенное определение политических режимов Арабского Востока – гибридные, т. е. режимы соревновательного авторитаризма (за исключением традиционного авторитаризма аравийских монархий и слабоконсолидированной ливанской демократии, воспроизводящейся благодаря исторической многосоставности общества). Ларри Даймонд охарактеризовал режим Хосни Мубарака как «гегемонически-электоральный авторитаризм». Однако термин «соревновательный авторитаризм» фиксирует лишь сосуществование авторитарных и либеральных начал. Это видимая часть айсберга, или гибридность в узком понимании слова. При учете хронополитических фаз развития арабских государств гибридность можно трактовать шире – как синтез традиционных и современных структур, обусловленный объективной двойственностью учреждающих оснований политических систем, приобретенной в результате неорганической модернизации.

И последний вопрос перед темой арабских революций: почему недемократические режимы региона так долго сохраняли свою устойчивость? На наш взгляд, дело здесь не в «хронической несовместимости ислама с демократией», а в том, что они имеют свои источники легитимности и подавления: традиционные ценности, неопатримониализм, возможность использования силы и неформальных механизмов наряду с современными институ-

¹⁸ Парохияльный (приходской, «местечковый», патриархальный) тип политической культуры, для которого характерно отсутствие интереса граждан к политической жизни, знаний о политической системе и значимых для людей ожиданий от ее деятельности.

¹⁹ Подданнический тип политической культуры с сильной ориентацией на политические институты и невысоким уровнем индивидуальной активности граждан.

циональными формами. Словом, они способны адаптироваться к требованиям среды, пока не столкнутся с острым дефицитом политических, экономических и культурных ресурсов.

Выше мы отмечали противоречивость взаимодействия Запада и Арабского Востока. Но западное влияние не было прямой причиной дестабилизации – и Европа, и США в целом действовали очень прагматично, особенно после исчерпавших себя «войн за демократизацию». Когда объективные причины (перебои в сбыте нефти, истощение бюджета, падение уровня жизни и пр.) вынудили Каддафи искать пути выхода из изоляции и объявить об отказе от оружия массового уничтожения и согласии выплатить компенсации родственникам погибших в терактах над Локерби и в Нигерии, международные санкции были сняты. В Ливии стали свободно работать западные нефтяные компании на основе соглашений о разделе продукции с Национальной нефтяной корпорацией. На арене появился и единственный ливийский «реформатор» – Сейф-аль-Ислам аль-Каддафи, который, правда, не занимал никаких официальных постов, но встречался с западными лидерами, говорил о подготовке конституции (проект которой так и не был опубликован) и защите прав человека. Старший Каддафи совершал официальные визиты во Францию, Испанию, Италию и не раз упоминал о дружбе с Сильвио Берлускони. Об этом прагматизме говорят и упоминавшаяся «приземленность» программ в рамках Средиземноморского союза, и стратегические союзные отношения США и НАТО с аравийскими монархиями. Исключением является, вероятно, Сирия, которую Джордж Буш за «поддержку терроризма» причислил к государствам-изгоям, но и она продолжала поставлять нефть Германии, Италии и Франции.

Однако общее влияние международной среды было очень велико и выразилось прежде всего в так называемых «демонстрационных эффектах глобализации» (уровень и качество жизни в различных странах мира, подотчетность власти, функционирование демократических институтов, уважение прав человека и др.), к которым особо восприимчива молодежь. Усилившаяся под влиянием экономических факторов трудовая миграция в Европу также способствовала восприятию новых политических образцов. Развитие новых коммуникационных и информационных технологий (с помощью ЕС и частных компаний) привело к распространению неформальных сетей, которые политические и социальноэкономические обстоятельства трансформировали в гражданские структуры (Движение 6 апреля в Египте и др.).

Конечно, серьезным дестабилизирующим фактором стал мировой экономический кризис, который усилил противоречия не только между обществом и правительством, но и между бюрократами и группами интересов внутри правительства (например, экономическим менеджментом и политической бюрократией).

Основные внутренние факторы «арабской весны», о которых мы также рассуждали выше, можно суммировать следующим образом:

- разбалансированность политической, экономической и культурно-образовательной стратегий и социальный конфликт, вызванный как сменой модели взаимоотношений граждан с государством в период экономической либерализации, так и недостаточными компенсаторными механизмами (затрагивает экономическую и политическую подсистемы и характерен для государств, лишенных значительных нефтяных доходов);

- отсутствие/слабое развитие инфраструктуры разрешения кризисов (реальной политической конкуренции, структурированной оппозиции, выборов, представительных институтов);

- значительный рост доли молодежи в демографической структуре (результат всплеска рождаемости в 1985–1990-х гг.) и формирование нового образованного молодого поколения, социализированного в большой степени в условиях постматериальных ценностей [подробнее см.: Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.];

- усталость населения от правящих элит из-за отсутствия не только конкуренции, но и ротации;

– оскудение идейных ресурсов политических элит (национальная идея в арабском мире исторически имела форму лояльности государственной власти, однако в условиях быстрых социальных изменений ее несоответствие ожиданиям и политический цинизм привели к мощному выплеску народного возмущения).

Развитие и интенсивность процессов «арабской весны» определялись в каждой из затронутых ею стран конкретными комбинациями факторов. По спектру проявления их можно типологизировать следующим образом.

А. Массовые волнения, вооруженные конфликты:

Ливия – массовые волнения и вооруженный конфликт с внешним вмешательством; распад «джамахирийи», убийство Каддафи и объявление «переходного периода» с техническим правительством;

Йемен – массовые беспорядки с применением оружия со стороны правительственных сил и оппозиции; перестановки в правительстве и договоренность об отказе президента Али Абдаллы Салеха от власти и проведении свободных парламентских выборов;

Сирия – массовые беспорядки с применением оружия со стороны правительственных сил и оппозиции; перестановки в правительстве; обещание диалога с оппозицией и свободных выборов; замораживание членства в ЛАГ и международные санкции в связи с «применением насилия против мирных жителей».

Б. Общенациональные волнения и смена режима:

Тунис – общенациональные волнения и смена режима; свободные выборы;

Египет – общенациональные волнения и смена режима; переходный период во главе с военной администрацией; свободные общенациональные выборы.

В. Массовые беспорядки, перестановки в правительстве и внешнее вмешательство:

Бахрейн – массовые беспорядки со стороны шиитского населения с вводом военных сил Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ); перестановки в правительстве и срочные денежные выплаты.

Г. Протесты, перестановки в правительстве, отдельные институциональные изменения, срочные экономические компенсации:

Алжир – массовые демонстрации и отмена режима чрезвычайного положения (введено в 1992 г.);

Марокко – протесты, перестановки в правительстве, конституционная реформа в сторону усиления законодательных полномочий парламента и гарантий независимости судебной власти, досрочные парламентские выборы;

КСА – протесты, срочные денежные выплаты, предоставление женщинам права голоса на выборах в муниципальные советы и Консультативный совет в 2013 г.;

Оман – протесты, перестановки в правительстве, заявление о придании законодательных полномочий обеим палатам Консультативного совета, срочные финансовые выплаты;

Ливан – протесты, перестановки в правительстве, повышение зарплат;

Иордания – протесты и перестановки в правительстве;

Кувейт – протесты, перестановки в правительстве, срочные денежные выплаты;

Ирак – протесты, кадровые перестановки на региональном уровне, обещание премьер-министра не выдвигаться на выборах 2014 г.;

Судан, Мавритания, САДР²⁰ – протесты.

Какие же арабские политии оказались на настоящий момент наиболее глубоко затронуты общественно-политическими трансформациями? Это республиканские системы с неконкурентной политической сферой и не легализованными ранее исламистскими партиями (Тунис, Египет, Сирия); республиканские системы с конкуренцией политических и эко-

²⁰ Сахарская Арабская Демократическая Республика.

номических центров (Ливия, Йемен); монархические системы с совпадающими секторальными конфессиональными, политическими и социально-экономическими размежеваниями (Бахрейн).

Ход и направленность общественно-политических трансформаций определяются характером переживаемых этапов государственного и национального строительства. Учет этого обстоятельства позволяет определить перспективы происходящих процессов, взяв за основу уровень институционального развития:

- демократизация – Тунис, Египет;
- для остальных республиканских систем, Марокко и Иордании – ускорение либерально-демократических реформ;
- для монархий стран Персидского залива – плавная либерализация;
- состояние политического распада / полураспада – Ливия, Йемен, Сирия (ситуация в последней во многом зависит от внешнеполитической динамики, прежде всего отношений между Сирией, Ираном и КСА).

Примечательно, что первая реакция Европы/Запада на арабские кризисы была непоследовательной и несогласованной. Для мировых лидеров было характерно следование за событиями, противоречивость публичных заявлений и длительное определение официальной позиции. Так, французский министр иностранных дел за несколько дней до отставки президента Бен Али предлагала направить десантников для установления правопорядка [Мишель...], в то время как другие политики приветствовали выражение воли народа Туниса; из 28 стран НАТО, взявших обязательства по операции в Ливии, только 8 активно участвовали в ней (хотя частично это было вызвано разницей в оснащении и возможностях стран-участниц) [Marquand R.] и т. д. На ливийском примере хорошо заметно не только снижение активности США по сравнению с первой половиной 2000-х годов, но и отсутствие консолидированной позиции ведущих мировых игроков в условиях нехватки политических, военных и финансовых ресурсов.

Для региональной арены был характерен рост активности «местных» игроков: Израиль, Турция, КСА, Катар, ОАЭ, стремившихся использовать ослабление «недружественных режимов» в своих внешнеполитических и экономических интересах или, наоборот, помочь «друзьям» (наиболее показательны здесь случаи Сирии, Ливии и Бахрейна, в который впервые в истории ССАГПЗ были введены войска). В целом внешняя реакция на арабские кризисы подтверждает неопределенность развития современной международной ситуации и спонтанность участия.

Вместо заключения: Европа и исламский мир

Результаты выборов, прошедших в Тунисе, Марокко и Египте после прошлогодних волнений, свидетельствуют об исламизации политического пространства²¹. Как же сотрудничать с этим «новым» миром? Некоторые исследователи полагают, что ислам в принципе не совместим с европейской современностью и, соответственно, демократией, поскольку не подвергался реформе и остался «целостным» (т. е. не претерпел разделения на публичное и индивидуальное, политическое и религиозное) [Elhadj E., 2008; Bruce S., 2003; Huntington S.P., 1996]. В то же время рационализация отношения к священному была важнейшим условием демократических процессов в Европе. Поэтому о необходимости реформы, которая

²¹ Умеренная исламистская партия «Ан-Нахда» – около 40 % мест в Конституционной ассамблее Туниса (2011) [Tunisian elections]; умеренная исламистская Партия справедливости и развития – 27 % мест на парламентских выборах в Марокко (2011) [Arieff A., p. 3]; исламистская Партия свободы и справедливости – 47,2 %, традиционалисты «Ан-Нур» – 24,7 % мест на парламентских выборах в Египте (2011–2012) [Аль-Ахрам].

положит конец «тотальности» ислама и откроет путь в современность, активно писали и пишут представители исламского модернизма – в основном мусульманские интеллектуалы, работающие в западных странах, но также и российские авторы [Хаким Р., 2003; Ramadan T., 2009; Ramadan T., 2004; Tibi B., 2009; Tibi B., 2008].

Спор о совместимости ислама с демократией кажется привычным и бесконечным. После начала «глобальной войны с терроризмом» в 2001 г. он принял почти что экзистенциальный характер. По мнению Оливье Руа, критика ислама сблизил представителей двух интеллектуальных семейств, которые ранее находились в оппозиции друг к другу: первые видят Запад в первую очередь христианским, вторые – светским и демократическим [Roy O., 2007, p. 2–3].

Как представляется, большинство публичных дебатов на эту тему в той или иной степени продолжают страдать от методологических ошибок. Опуская фактор идеологической ангажированности, их можно определить следующим образом:

- статичный подход к исламу и демократии;
- приверженность европоцентричным историческим шаблонам (в частности, касательно взаимосвязи между секуляризацией и демократией);
- редукционизм в восприятии исламского политического дискурса;
- невнимание к микросоциологии мусульманских обществ и, как следствие, отсутствие понимания индивидуальности современных мусульман (которые, кстати, и делают ислам духовно и социально «живым»).

Мы считаем, что ислам в политике – не препятствие современному развитию, которое большинство политологов понимают как дифференциацию политических структур и специализацию ролей, повышающих производительность политической системы. По-прежнему актуальна идея Люциана Пая о возможности зафиксировать развитие на трех срезах политического процесса: участии граждан в принятии решений, способности системы находить решения возникающих проблем и усложнении организации политики. В политической науке движение к демократии – это движение от гегемонии к участию, и в этом контексте расширение представительства, подключение к нему и исламистов, и новых молодежных движений, и либералов, и националистов сигнализирует о принятии новых правил игры и перспективах формирования коалиций и обновления политического курса.

Что же до пресловутого исламского радикализма, то можно ли считать радикалами мусульман, чьи жизненные стратегии определяет вера в Бога? В их сознании политические, общественные, юридические, экономические, образовательные институты воспринимаются не как светские, а как мусульманские, т.е. неразрывно связанные с исламом. Для верующих мусульман, таким образом, соединение политического и религиозного не является проблемой – проблема в том, какие цели ставит изначально санкционированная религией власть, насколько ее политический курс отвечает национальным интересам.

Иллюстрацией объективности происходящих процессов может быть светская со времен Ататюрка Турция. После очередного перехода власти от военных к гражданскому правительству в 1980-х годах там начинает происходить открытая корректировка самого концепта светского национализма, вызванная необходимостью ускорения развития и, следовательно, укрепления демократической системы как таковой. В 1986 г. при праволиберальном правительстве Тургута Озала была официально одобрена идея национальной культуры, в основе которой лежит тюркско-исламский синтез, что открыло дорогу в политику религиозным сектам и исламистам. Первым «происламским» премьером Турции на короткий срок стал в 1996 г. Неджметтин Эрбакан – и тогда этот выбор казался многим случайным, а сами планы правящей коалиции – наивными. Но это была не случайность, а смена тенденций. В 2002 г. во власть уверенно вошла Партия справедливости и развития – социальные консерваторы,

разделяющие исламские ценности. Сложнее ли стало взаимодействовать с Турцией, скажем, в рамках НАТО? Да, сложнее, но вполне возможно.

Важно также учитывать, что под одним термином могут прятаться разные феномены. «Аль-Каида», например, принципиально отличается не только от египетских «Братьев-мусульман», но и от военизированной ливанской «Хизбаллы». Это организация, которая не имеет национальных корней и национальных интересов. Ее абстрактный всемирный джихад «против иудеев и крестоносцев» в чем-то сродни всемирной борьбе за торжество либеральной демократии. Борьбa с радикализмом этого типа можно и нужно, но не только военной силой, а еще и путем политического выдавливания из тех территориальных пространств, где он окопался. Консолидация национальной власти в мусульманских странах – главный враг «Аль-Каиды» и ей подобных, которые находят приют там, где есть политический вакуум, – в Афганистане, Пакистане, Йемене, Сомали.

Политический ислам, как показывает исторический опыт, способен к эволюции. Беда многих исламистских организаций (тех же «Братьев-мусульман») в том, что они, с одной стороны, аморфны, а с другой – не производят ревизии концепций и платформ, разработанных в иные политические периоды. Работы наиболее известного и радикального идеолога «Братьев» Сейида Кутба продолжают циркулировать по всему миру, пугая мирных обывателей, хотя относятся к периоду строительства арабского социализма и массовых репрессий против исламистов. Между тем интеллектуальные лидеры ассоциации прекрасно осознают как произошедшие в Египте социально-политические изменения, так и законы современной политики. Создав для участия в парламентских выборах 2011–2012 гг. Партию свободы и справедливости, они призвали все политические партии к сотрудничеству на основе общегражданских ценностей.

Появление во власти современных исламистских партий, для которых национализм – не антитеза исламу, но компонент его универсальной системы, а демократия, права человека и многопартийные выборы – необходимые предпосылки исламского строя, и есть демократизация по-арабски, или то самое «многообразие современностей», о котором писал Шмуэль Эйзенштадт. Парадокс в том, что сама демократизация постепенно влечет за собой снижение важности как секуляризма, так и религии.

А Европа? Европа задумалась над новой политикой соседства и заявляет о необходимости продвижения к «глубокой демократии» в Южном Средиземноморье, заодно разясняя ее принципы [A new and ambitious...]. Безусловно, это правильные принципы, но, как мы убедились, учить демократии трудно. Эффективней и практичней помогать в разработке макроэкономической политики, улучшении бизнес-климата, образования, финансовой и правовой систем. Перспективное мышление, развитие двусторонних связей и регулярный диалог – самая надежная основа соседства.

Литература

Аль-Ахрам. – 2012 г. – 22 января (на араб. яз.). – Режим доступа: <http://www.ahram.org.eg/The-First/News/126247.aspx> (Дата посещения: 24.01.2012).

Богатуров А.Д. «Принуждение к партнерству» и изъяны неравновесного мира. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Prinuzhdenie-k-partnerstvu-i-izyany-neravnovesnogo-mira-15395> (Дата посещения: 18.01.2012).

Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г.: Структурно-демографический анализ. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2011/03/04/egyrev/> (Дата посещения: 10.12.2011).

Марказ аль-малик Абдель Азиз лиль-хивар аль-ватаний (Центр национального диалога им. короля Абдель Азиза) (на араб. яз.). – Режим доступа: <http://www.kacnd.org/> (Дата посещения 17.01.2012).

Мишель Аллио-Мари: «Когда я в отпуске, я не министр». – Режим доступа: <http://www.russian.rfi.fr/frantsiya/20110206-mishel-allio-mari-kogda-ya-v-otpuske-ya-ne-ministr> (Дата посещения: 10.11.2011).

Хаким Р. Где наша Мекка? – Казань: Магариф, 2003. – 64 с.

2010 Economic prospects for the Middle East and North Africa region // World Bank. – Mode of access: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/MENAEXT/0,,contentMDK:22449199~menuPK:2246554~pagePK:2865106~piPK:2865128~theSitePK:2> (Дата посещения: 23.01.2012).

2010 Index of economic freedom. – Mode of access: http://www.heritage.org/index/pdf/2010/index2010_highlights.pdf (Дата посещения: 23.01.2012).

Al-Ahram weekly. – 27.05–2.06.2004.

Alterman J.B. The false promise of Arab liberals // Policy review. – Wash., 2004. – N 125, June-July. – P. 77–88.

Amin S. The «Barcelona process» in the framework of neo-liberal globalization // Dar al Islam – the Mediterranean, the world system and the wider Europe: the «cultural enlargement» of the EU and Europe's identity / Ed. by Herrmann P., Tausch A. – N.Y.: Nova science publishers, 2005. – P. 85–97.

Arief A. Morocco: Current issues. CRS report for Congress. – 2011. – 29 p. – Mode of access: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21579.pdf> (Дата посещения: 28.12.2011).

Barcelona declaration adopted at the Euro-Mediterranean conference 27–28.11.1995. – Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2005/july/tradoc_124236.pdf (Дата посещения: 12.01.2012).

Bruce S. Politics & religion. – Cambridge, Malden: Polity press, 2003. – 292 p.

Economic development in the Middle East and North Africa: General overview // World Bank. – Mode of access: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/MENAEXT/EXTMNAREGTPOVRED/0,,contentMDK:22371114~menuPK:6794857~pagePK:34004173~piPK:34> (Дата посещения: 23.01.2012).

Elhadj E. The Islamic shield: Arab resistance to democratic and religious reforms. – Boca Raton, Florida (USA): BrownWalker press, 2008. – 272 p.

Euro-Mediterranean partnership (EUROMED). – Mode of access: http://eeas.europa.eu/euromed/index_en.htm (Дата посещения: 13.01.2012).

Huntington S.P. The clash of civilizations and the remaking of the modern world. – N.Y.: Simon and Schuster, 1996. – 367 p.

Marquand R. Could NATO's Libya mission be its last hurrah? – Mode of access: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2011/0824/Could-NATO-s-Libya-mission-be-its-last-hurrah> (Дата посещения: 13.01.2011).

NATO elevates Mediterranean Dialogue to a genuine partnership, launches Istanbul Cooperation Initiative. – Mode of access: <http://www.nato.int/docu/update/2004/06-june/e0629d.htm> (Дата посещения: 14.01.2012).

A new and ambitious European Neighbourhood Policy. MEMO 11/342. – Mode of access: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/11/342&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en> (Дата посещения: 23.01.2012).

Obama B. Remarks on the new beginning. Cairo university, Cairo, Egypt. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09> (Дата посещения: 18.01.2012).

Orfy M.M. NATO and the Middle East: the geopolitical context post 9/11. – Abingdon; N.Y.: Routledge, 2011. – 234 p.

Ramadan T. Western Muslims and the future of Islam. – N.Y.: Oxford univ. press, 2004. – 278 p.

Ramadan T. Radical reform: Islamic ethics and liberation. – N.Y.: Oxford univ. press, 2009. – 372 p.

Rhein E. Foreword // Calleya S.C. Evaluating Euro-Mediterranean relations. – Abingdon; N.Y.: Routledge, 2005. – P.IX–XIV.

Roy O. Secularism confronts Islam. – N.Y.: Columbia univ. press, 2007. – 128 p.

Shehata S. Inside an Egyptian parliamentary campaign // Political participation in the Middle East / Ed. by Lust-Okar E., Zerhouni S. – L.; Boulder: Lynne Rienner publishers, 2008. – P. 95–120.

Tibi B. Political Islam, world politics and Europe: Democratic peace and Euro-Islam versus global jihad. – N.Y.: Routledge, 2008. – 311 p.

Tibi B. Islam's predicament with modernity: Religious reform and cultural change. – N.Y.: Routledge, 2009. – 407 p.

Tunisian elections – Live updates. – Mode of access: <http://www.tunisia-live.net/2011/10/23/tunisian-elections-live-updates/> (Дата посещения: 28.11.2011).

Тунис – зачинатель «арабских революций»

М.Ф. Видясова

Аннотация. В данной статье исследуется противоречивая политическая история «революции» в Тунисе – наиболее вестернизированной стране арабского мира. Дается анализ причин и промежуточных результатов данной «революции». Автор указывает на возможные долгосрочные вызовы, связанные с описанными событиями.

Abstract. The article explores the deeply political and contentious history of the «revolution» in Tunisia – the most westernized Arab country. The material provides an analysis of its causes and intermediate results. The author points at possible long-term challenges posed by these events.

Ключевые слова: «революция» в Тунисе, Франция, «арабская весна», исламистские партии, выборы в Тунисе.

Keywords: «revolution» in Tunisia, France, «Arab spring», Islamist parties, elections in Tunisia.

«В политике, как в море, бывает обманчивое затишье».

Оноре де Бальзак

«Но как ни строго хранили будочники вверенную им тайну, неслыханная весть об упразднении градоначальниковой головы в несколько минут облетела весь город. Из обывателей многие плакали, потому что почувствовали себя сиротами и сверх того боялись попасть под ответственность за то, что повиновались такому градоначальнику. Напротив, другие хотя тоже плакали, но утверждали, что за повиновение их ожидает не кара, а похвала».

Н. Щедрин (М.Е. Салтыков) «История одного города»

Французский след в предпосылках тунисской «Революции 14 января»

Городская топонимика иногда рассказывает не меньше, чем учебник истории. Это вполне относится к столице Туниса – городу Тунис, в центре которого можно пройти по ул. Жана Жореса, а в тихом квартале Бельведер, где много иностранных посольств, по пл. Мендес-Франса, улицам Фелисьена Шаллаيه и Алена Савари. Эти названия – дань уважения тем французам, что служили вдохновителями, как «пламенный» Жорес, или протягивали руку вождям тунисского антиколониального движения, которое с 1934 г. возглавила Новая либерально-конституционная партия, более известная как «Новый Дустур», или *Néo-Destour* (*дустур* – конституция), основанная адвокатом Хабибом Бургибой и горсткой его товарищей. Свои будущие действия они обдумывали на учебе в Париже.

Почти все лидеры этой партии, которая стала правящей после того, как 20 марта 1956 г. страна обрела независимость, были питомцами французских вузов. Глава первого правительства суверенного Туниса, а с момента упразднения монархии беев Хусейнидов – президент Тунисской Республики (25 июля 1957 г. – 7 ноября 1987 г.) Хабиб Бургиба до конца своих дней, которые оборвались 6 апреля 2000 г., держал на своем рабочем столе фотографию Мендес-Франса. Особое отношение к этому человеку он испытывал потому, что однажды осенью 1954 г. интернированный во Франции «террорист» Хабиб Бургиба и ее премьер-министр Пьер Мендес-Франс тайно встретились в Париже, чтобы заключить сделку. Она состояла в том, что один из визави выполнит свое обещание, данное 31 июля того же года в бейском дворце, предоставить Тунису внутреннюю автономию, а другой отдаст приказ отрядам *феллага* (тунисских партизан) сложить оружие. Эта встреча стала важной вехой на пути к независимости Туниса, добытой без пролития большой крови.

В дальнейшем отношения между обеими странами складывались по-разному, случались и кризисы, самым острым из которых был конфликт из-за французской военной базы в Бизерте (июль 1961 г.). Он вылился в неравную битву, ибо президент де Голль отказывался выводить эту базу или хотя бы дать на то обещание. Но даже тогда, в дни сражений на северо-востоке Туниса, табличку на одной из центральных улиц его столицы «авеню Шарль де Голль» Бургиба велел не снимать. В целом же он вел твердый курс на развитие франко-тунисского сотрудничества, особенно в культурной сфере.

Как государственный муж он снискал симпатию во Франции своими светскими реформами. Ключевое место среди них занял Закон о личном статусе от 13 августа 1956 г., особенность которого состояла в том, что он не отменял шариат де-юре, а предлагал его новое прочтение. За некоторыми исключениями, в частности по вопросу о наследовании имущества, он полностью изменил традиционное толкование положений мусульманского права и его источников [см.: Видясова М.Ф., 2007, с. 50–51]. Издание этого закона в одночасье приблизило семейное и общественное положение тунисской женщины к тому, что представительницы слабого пола уже завоевали, но за длительный период, в странах Запада. Заметим, что по сию пору Тунис – единственная арабская страна, где (вышеназванным законом) запрещена полигамия, которая приравнена здесь к уголовному преступлению. Современное законодательство таких стран, как Сирия или Марокко, полигамию разрешает, но ограничивает ее рядом условий. Это относится и к семейному кодексу Алжира, который сверх того требует согласия на замужество даже зрелой дамы одного из ее родственников-мужчин, каким может выступить в случае необходимости, например, ее младший брат.

Не случайно Закон о личном статусе стал мишенью критики со стороны тунисских исламистов, которые создали свой первый кружок в Париже (1968) и через два года начали действовать в Тунисе под названием «Исламская группа». Ее возглавил молодой лицейский преподаватель философии Рашид аль-Ганнуши, выходец из многодетной крестьянской семьи, получивший на родине традиционное среднее образование (в школьной системе, функционировавшей под эгидой старинной мечети-университета аз-Зейтуна) и высшее светское – в Дамаске, куда он попал по воле случая.

В августе 1979 г. эта группа провела свой «учредительный съезд» в кампусе факультета (ныне университета), находящегося в столичном пригороде Мануба, 6 июня 1981 г. группа переименовалась в Движение исламской направленности (ДИН), а незадолго до парламентских выборов 1989 г. – в партию «Ан-Нахда» («Возрождение»). На этих выборах ее кандидаты, выступавшие как независимые, завоевали, по разным оценкам, от 14 до 17 % голосов. Это не дало им (при мажоритарной избирательной системе) пропуск в Палату депутатов, но насторожило нового президента Тунисской Республики Зина аль-Абидина Бен Али, который вскоре начал бескомпромиссную борьбу с «Ан-Нахдой».

Генерал в отставке, он был первым в независимом Тунисе человеком из военной среды, вошедшим в правительство и руководство правящей партии, которая с 1964 г. назвалась Социалистической дустуровской партией (СДП). С 1986 г. Бен Али занимал пост министра внутренних дел и оставил его за собой после того, как был назначен 2 октября 1987 г. премьер-министром. В здании МВД и гнезился штаб заговорщиков, осуществивших верхушечный государственный переворот 7 ноября того же года. Целью этого переворота, идея которого созрела в недрах ЦК СДП, было отстранение от власти пожизненного (с 1975 г.) президента Бургибы, к тому времени страдавшего от приступов депрессии и множества других болезней и крайне редко покидавшего свою резиденцию Карфагенский дворец. Не что иное, как разгул демонстрантов-исламистов побудил его приблизить к себе Бен Али, слывшего человеком «твердой руки». Эта рука его и свергла с помощью группы врачей, подписавших, не осмотрев пациента, заключение о физической и психической недееспособности Бургибы, что позволило Бен Али возложить на себя – без нарушения Конституции в ее

тогдашней редакции – президентские обязанности. Одновременно он возглавил правящую партию, которая была переименована в феврале 1988 г. из СДП в Демократическое конституционное объединение (ДКО) и затем наращивала, во многом искусственно, свою численность, доведенную к последнему съезду ДКО (2008) до 2,2 млн. человек. И это в стране с десятиллионным населением – уникальный рекорд.

Одним из первых французов, «раскусивших» отставного генерала, сделавшего карьеру по линии спецслужб, был Франсуа Миттеран, которого Бен Али посетил в 1988 г. вслед за визитом к Рональду Рейгану. Президент-социалист заключил тогда, разумеется, приватно, что его гость, сумевший поддержать беседу в Елисейском дворце лишь в течение 20 минут (вместо запланированного часа), «жалкая личность» [Zmerli A., 2011, p. 24].

Однако президент Николя Саркози не скупился на лестные слова в адрес Бен Али, высказываясь в духе своего предшественника Жака Ширака – автора выражения «тунисское чудо», которое тот бросил еще в бытность свою мэром Парижа. Над этим чудом, заключавшемся в якобы мирном устранении угрозы исламизма в Тунисе, давно уж насмеялись многие французские публицисты, но в Елисейском дворце их не слышали. Заявляя, что его идеал – генерал де Голль, глава Тунисской Республики тем временем ловко обошел свое клятвенное обещание, данное в «Декларации 7 ноября», покончить с пожизненным президентством, продлевая собственное пребывание у кормила власти путем все новых и новых модификаций Конституции. Воспетый же трубадурами Бен Али его особый «путь к плюрализму без исламизма» он осуществлял, предоставляя фиксированное общее количество депутатских мест (сначала 9 %, потом – 20 и наконец – 25 %) партиям легальной оппозиции. Смысл: пусть подерутся за эти места между собой, а ДКО будет иметь гарантированное парламентское большинство [см.: Видясова М.Ф., Орлов В.В., 2008, с. 99–117]. Игрой в демократию являлись и альтернативные президентские выборы, введенные в Тунисе с 1999 г.

Под конец правления Бен Али в стране было восемь легальных оппозиционных партий (так называемых партий меньшинства), пять из которых получили представительство в Палате депутатов по итогам парламентских выборов 2009 г. Как правило, каждая из них насчитывала не более 100 человек, а крупнейшая внепарламентская Демократическая прогрессивная партия (ДПП) – около 1000 человек²².

Между тем партия «Ан-Нахда», которая насчитывала в свои лучшие времена 8–10 тыс. активистов, прошедших «три стадии посвящения», т. е. обучения, таяла на глазах. Одни ее адепты (около тысячи) годами находились за решеткой или под строгим полицейским надзором, другие затаились, а те, кому повезло эмигрировать (тоже около тысячи), нашли приют во Франции или в Англии, где и обосновалась (в Лондоне) штаб-квартира этой партии, занявшей нишу умеренного исламизма. Она переживала личностные ссоры в своем заграничном руководстве, откол диссидентов (наиболее многочисленных во Франции), и никто, включая автора этих строк, не сулил ей до января прошлого года восхождения на тунисский политический олимп.

Минуло одиннадцать лет после похорон Хабиба Бургибы. Все эти годы у дверей его мавзолея томились стражники в чалмах и плащах османских воинов, а внутри – скучал хранитель однокомнатного музея с выставленными в нем любимыми книгами «отца нации»,

²² Основанная в 2001 г. на базе Прогрессивного социалистического объединения (ПСО), эта партия – детище адвоката Нежиба Шебби, человека с бурной биографией. Арестованный еще студентом в 1968 г. за принадлежность к тунисской ветви партии Баас, он впоследствии прошел через увлечение маоизмом и арабским национализмом, получил боевую подготовку в одном из лагерей Народного фронта за освобождение Палестины (радикальной организации под началом Жоржа Хабаши). Принял, живя в Париже, участие в создании левацкой группы «Тунисский рабочий». Вернувшись на родину в 1980 г. после амнистии членов этой группы, основал ПСО (1983), которая заявила о своем неприятии «догматического марксизма». В открытую оппозицию к режиму Бен Али перешел с 1991 г. Известен тем, что в 2005 г. высказал идею, мол, «настало время интегрировать интеграторов» (т.е. исламистов). В 2006 г. предложил делегатам съезда ДПП избрать ее генеральным секретарем Майю Джериби, в результате чего образовался их партийный дуумвират.

его семейными фотографиями и белым летним костюмом. Молчание камней усыпальницы, в боковом отсеке которой покоятся близкие родственники Бургибы, лишь изредка нарушали голоса иностранных туристов, спешивших, осматривая достопримечательности Монастира, вернуться в экскурсионные автобусы и... на пляж.

Но вот 6 апреля 2011 г., в очередную годовщину со дня смерти Бургибы, к его мавзолею ринулась толпа людей – отнюдь не экскурсантов. Среди них можно было увидеть и. о. президента и главу временного правительства Тунисской Республики. Стихийные «паломники» стремились прикоснуться к саркофагу, а бывший министр иностранных дел Камиль Морджан даже сотворил около него молитву; работники местного аэропорта провели манифестацию с экономическими требованиями. Реагируя на это событие, газета Движения «Ат-Таджид»²³ писала, что отчасти оно стало моральной компенсацией за похороны экс-президента, устроенные в оцеплении автоматчиков, но, главное, продемонстрировало, что «автократ Бургиба мертв, а модернист Бургиба жив».

Местные печатные и интернет-издания наводнились портретами «зодчего» республики и новыми дискуссиями вокруг старого вопроса: «Бургиба, так кем он был?» И если «отцом нации» его уже не величали, то называли «отцом независимости Туниса».

Все это происходило вскоре после победившей тунисской революции, в авангарде которой находились представители светской части «верхнего среднего класса». Однако следующие семь месяцев показали, что сторонникам модернизма и в этом смысле «детям Бургибы» предстоит нелегкая и, вероятно, очень долгая борьба за свои идеалы.

«Где достать тунисский флаг?»

В зарубежной и отечественной научной литературе, еще чаще – в публицистике, высказывалось мнение, что восточные общества «не доросли» до западной демократии, которая формировалась столетиями, и что им вообще не стоит за ней гнаться, а надо развивать что-то свое, адаптированное к местным традициям. Эту идею подхватывают исламисты. Еще сравнительно недавно они стояли на том, что само слово «демократия» в арабском языке заимствованное и, следовательно, соответствующее понятие – чужое. Данная точка зрения была пересмотрена и египетскими «Братьями-мусульманами», которые доказывают, что идея гражданского общества и политического плюрализма восходит к эпохе Пророка²⁴, и тунисской партией «Ан-Нахда». На ее съезде, состоявшемся в 2001 г. в Лондоне, было объявлено, что «приверженность демократии больше не рассматривается как грех», но при этом Рашид аль-Ганнуши подчеркивал, что «Ан-Нахда» стремится к демократизации, в основу которой положены исламские начала, позже он говорил: «Ислам плюс демократия – вот наилучшее сочетание, по крайней мере на мой взгляд, как для Туниса, так и для других мусульманских стран» [аль-Ганнуши Р., 2006].

Представление об особой «исламской демократии» получило признание и в официальных кругах арабских стран. Однако оно не отвечает взглядам многих тунисских интеллектуалов, сомневающих в достоинствах как демократизации «на основе исламских начал», так и «нелиберальной демократии» (с элементами авторитаризма), которая, по мнению ряда ученых, является оптимальной парадигмой развития переходных обществ [Zakaria F., 2003].

²³ Это бывшая Тунисская компартия, которая в начале 1993 г. взяла себе новое название Харакат «Ат-Таджид», т.е. Движение «обновления».

²⁴ Аргументы в пользу этого тезиса приводились, в частности, в 2007 г. на сайте <http://ikhwanweb.com>, когда «Братья-мусульмане», надеясь провести своих представителей в Консультативный совет – верхнюю палату парламента АРЕ, сформулировали свою новую программу.

Вместе с тем для этих обществ, особенно для тех, которые на рубеже XX–XXI вв. вошли в фазу ускоренного экономического роста, характерна так называемая революция растущих ожиданий. Ей сопутствует «относительная депривация» – обман этих амбициозных, а точнее, завышенных ожиданий. Они касаются не только уровня и качества жизни, за образец которых берутся – под влиянием демонстрационного эффекта – западные стандарты, но и политической сферы. Последнее вполне оправдано.

Почему, собственно, молодой человек, получивший в Тунисе диплом о высшем образовании, формально эквивалентный аналогичному европейскому диплому, должен считать, что его удел – прожить всю жизнь при «нелиберальной демократии»? И чем этот молодой человек, с его точки зрения, хуже своих сверстников – французов или испанцев, или греков, которым можно было открыто критиковать свои правительства, тогда как ему предлагали существовать, пусть даже имея хорошую работу, собственный дом, машину и т. д., под недреманным оком Большого брата?

Подобные вопросы и взбудоражили умы тунисской молодежи, которая выступила зачинательницей массовых волнений, прокатившихся по стране между 17 декабря 2010 г. и 14 января 2011 г. Итог этих событий – падение непопулярного режима Бен Али. Совокупность их причин еще требует осмысления, но они лишний раз показывают, как справедливо заметил Л.В. Гевелинг, что «бедность не рождает революции» [«Круглый стол», 2011, с. 108].

Кстати, арабское слово *саура* означает и революцию, и восстание, что в данном случае – синоним слова *интифада*, и извержение (вулкана), и вспышку (гнева), и возмущение. Последнее, нам кажется, более всего подходит к тому, что случилось в Тунисе и по «эффекту домино» вызвало массовые волнения в других арабских странах, имевшие в каждой из них свои предпосылки, движущие силы и механизм развития.

Одни поспешили назвать их серией «первых народных революций XXI в.», другие «пробуждением Арабского Востока», или «арабской весной», третьи – «молодежными революциями», или «Facebook revolutions», «Twitter revolutions», имея в виду исключительно высокую роль информации, передававшейся по социальным сетям. Передававшейся мгновенно, в обход официальных СМИ и собиравшей народ на майданах, где звучало требование «*Ирхаль!*», т. е. «Уходи!», обращенное к президентам Зину аль-Абидину Бен Али (Тунис), Хосни Мубараку (АРЕ), Али Абдаллаху Салеху (Йемен)²⁵, а также к Башару Асаду (десять лет президентства «по наследству», Сирия) и полковнику Муаммару Каддафи, лидеру ливийской революции, свершенной почти 42 года тому назад.

Тем, кто следил за событиями по телевидению, запомнилось появление этого любителя переодеваний 25 февраля 2011 г. на Зеленой площади в Триполи (ныне площади Мучеников) не в фуражке и не в чалме, а в шапке-ушанке с кожаным верхом. Говорил он с высоты старой крепостной стены, целовал свою «Зеленую книгу», обличал итальянский империализм былых времен; заявлял, что сам он всецело с молодежью, и велел ей «веселиться, петь и плясать на улицах». Гражданская война в Ливии уже разгоралась, неся на себе отпечаток межрегиональных и межплеменных конфликтов, долгие годы тлевших под спудом режима «прямого народовластия».

Как известно, Ливия – малонаселенная нефтеносная страна, принимавшая потоки трудовой иммиграции; по последним оценкам, там работали в сфере производства и обслуживания около 1,5 млн. иностранцев из Индии, Бангладеш, Болгарии, Украины.

Йемен же – одна из беднейших стран мира, экспортирующая рабочую силу. Тем не менее гражданские войны, вспыхнувшие в обеих странах в начале 2011 г., имели много общего²⁶; назвать же их «революциями», думается, нельзя даже с большой натяжкой.

²⁵ Он был избран президентом ЙАР в 1978 г. и занял этот пост с 1990 г. в «объединенном» Йемене.

²⁶ Напомним, что с 2004 г. в области Саада, прилегающей к Саудовской Аравии, тлело восстание местных племен,

Свою локальную окраску получили волнения в Королевстве Бахрейн и в восточной части Саудовской Аравии, где (в обоих случаях) восстало шиитское население, которое не ставило под вопрос легитимность существующего монархического строя, но требовало для себя более широких политических прав. Нечто похожее произошло в Кувейте, где возмутились жители, не имеющие кувейтского подданства²⁷, и в Иордании, где гнев толпы обрушился на правительство, которое было смещено королем, а срочное выделение средств на решение назревших социальных проблем позволило сбить накал страстей.

Довольно быстро (но надолго ли?) улеглись волнения в Алжире, которые в начале января 2011 г. вылились в столкновения рассерженной молодежи с полицией на улицах крупнейших городов этой страны, заняв на несколько дней первые полосы новостных сообщений. Комментаторы снова заговорили тогда, что в АНДР де-факто господствует армия, упоминали некоего серого кардинала от спецслужб, более влиятельного, чем сам президент Бутефлика; при этом телерепортажи показывали, что в алжирской столице с балконов жилых домов свисают государственные флаги Алжира и Туниса.

«Где достать тунисский флаг?» – спрашивали в Египте по Интернету накануне «Дня гнева», который был назначен здесь на четверг 25 января 2011 г. Однако поистине грозные волнения начались в Каире в пятницу после утренней молитвы, когда людское море хлынуло на площадь Ат-Тахрир (площадь Освобождения). Манифестанты оккупировали ее на две недели с лишним, чуть не подожгли Египетский музей (а здание МВД сожгли) и добились своего – ухода в отставку президента Х. Мубарака. Тунисских знамен в их руках не было видно, но 18 февраля, вскоре после этой отставки, небезызвестный Мухаммед Барადей, бывший глава МАГАТЭ, сказал, на наш взгляд, важную вещь: «Тунисцы показали: “Мы можем”». И это внезапное преодоление страха перед репрессивным режимом в стране, которая раньше мало интересовала египтян, вдохновило их на массовые антиправительственные выступления, которых никто не ожидал, хотя ноябрьские парламентские выборы 2010 г. в АРЕ прошли в напряженной атмосфере²⁸.

Полной неожиданностью и для политиков, и для политологов стало то, что сигнал к восстанию широкой «арабской улицы» исходил из Туниса, считавшегося оазисом спокойствия в Северной Африке, образцом политической стабильности и достижения удовлетворительных темпов экономического роста, обеспеченного не природной рентой, а высоким уровнем развития человеческого капитала.

Тунис шел в гору... Хромающий «африканский лев»²⁹

Судя по данным международной и тунисской национальной статистики, страна, с которой начались волнения в Северной Африке и на Ближнем Востоке, находилась не в самом

исповедующих зейдизм – шиизм умеренного толка, официальную религию бывшего Йеменского имамата. Оно вспыхнуло с новой силой в августе 2009 г., когда повстанцами был захвачен армейский блокпост на стратегической дороге между столицей Йемена и его границей с могущественным соседним королевством. Волнения, охватившие Йемен в 2011 г., явились отзвуком, если не продолжением этого вооруженного конфликта, главными внешними игроками в котором выступали Иран и Саудовская Аравия. Опорой же внутренней оппозиции с 23 мая этого года стали ополченцы самой влиятельной на севере Йемена племенной конфедерации во главе с родом Хашед (или Хашид).

²⁷ Речь идет о первой серии волнений в Кувейте, вторая (осенью 2011 г.) была направлена против премьер-министра и всего правительства, обвиняемых в коррупции.

²⁸ Накануне этих выборов и во время их первого раунда были произведены массовые аресты среди «Братьев-мусульман», которые имели 88 депутатов (из 454) в составе Народного собрания прошлого созыва. В знак протеста они сняли списки своих кандидатов, баллотировавшихся в качестве «независимых» со второго раунда голосования. Как результат в новый депутатский корпус попали всего пять представителей оппозиции – от трех светских партий.

²⁹ Благодарим за помощь в сборе материалов для этого и следующих параграфов статьи Анну Кашину, аспирантку кафедры политологии Востока ИСАА МГУ, и кандидата исторических наук Василия Кузнецова – питомца ИСАА, научного сотрудника ИВ РАН, вместе с которым мы совершили в июне 2011 г. «экспедицию» в Тунис.

худшем экономическом положении. Так, удельный вес живущих за чертой бедности здесь упал с 33 % населения в 1967 г. до 3,8 % в 2005 г., численность бедных сократилась за тот же период с 1533 тыс. до 376 тыс. человек. Хотя специалисты вносят в эти расчеты, основанные на обследованиях семейных бюджетов, свои поправки, можно и визуально оценить сужение очагов нищеты в Тунисе, где практически исчезли бидонвили, население стало лучше питаться (по количеству и составу килокалорий), было забыто, что такое голод, несмотря на то что засухи периодически наносят урон сельскому хозяйству.

При этом данные за 1996–2008 гг. показывали лидирующее место Туниса по темпам экономического роста (около 5 % в год) среди арабских стран, не являющихся крупными производителями углеводородного сырья. Заметим, что с 1993 г. Тунис стал чистым импортером нефти³⁰, открытые на юге страны в 2010 г. новые месторождения природного газа не сулят ей стать конкурентом по его экспорту с Алжиром. В тунисском товарном экспорте конца XX – начала XXI в. преобладали готовые изделия и полуфабрикаты, причем продукцию текстильно-швейной отрасли (мотора тунисской экономики 1970-х годов) начали в нем вытеснять детали и узлы для автомобилестроения и самолетостроения.

Конечно, Тунис пострадал от последствий мирового финансово-экономического кризиса, однако обвал фондового рынка там не случился: падение биржевых индексов продолжалось в 2008 г. всего два месяца, затем они снова пошли вверх [Салийчук А.В., 2010, с. 164].

Объем ВВП в расчете на душу населения по паритетам покупательной способности валют (в текущих ценах) составил в 2009 г. в Тунисе 8270 долл., что было выше, чем в Алжире (8170 долл.), в Египте (5670 долл.) или в Марокко (4500 долл.), и превышал средний показатель по развивающимся странам (7200 долл.) [World development... 2011].

В следующем, предреволюционном году рост тунисского ВВП достиг 3,7 % против 3 % в 2009 г., что подавало надежду на восстановление прежних, более высоких темпов его роста. Некоторые аналитики включали Тунис в группу так называемых африканских львов, якобы способных догнать одним прыжком «азиатских тигров».

Между тем негативные стороны социально-экономической ситуации в Тунисе наблюдались на нескольких направлениях. Это, в частности, безработица среди образованной молодежи и углубление исторически сложившихся диспропорций в уровне развития пригородных и внутренних областей страны.

Если верить официальной статистике, то общий уровень безработицы в Тунисе последних лет был сравнительно невысок – менее 14 % самодеятельного населения. Однако в региональном (порайонном) срезе он варьировался в 2004 г. от 7,5 до 25,6 %. Особенно больно бич безработицы бил по молодежи и женщинам, составлявшим 1/4 самодеятельного населения, которые, как правило, с большими трудностями, чем мужчины, находили работу, если искали ее впервые, и в первую очередь подпадали под сокращение кадров, если где-то (на предприятии или в учреждении) оно производилось³¹.

Надо отметить, что благодаря снижению темпов демографического роста, который ныне составляет в Тунисе около 1 % ежегодно, в структуре его населения происходит сокращение абсолютной и относительной численности людей в возрасте до 20 лет. Зато возрастная категория 20–29 лет является самой крупной и образует «выступ» в демографической пирамиде с усеченным основанием; оно таково, ибо еще в 2004 г. удельный вес населения 60 лет и старше (9,3 %) превысил долю детей четырех лет и младше (8,1 %) [Ат-таадад аль-ам... 2005, с. 4–5].

³⁰ Исключение составил 2007 г., когда экспорт по данной статье слегка превысил импорт благодаря введению в эксплуатацию новых месторождений нефти.

³¹ Так, в 2009 г. было создано 43 тыс. новых рабочих мест, при этом женщины потеряли 11 тыс. рабочих мест.

В итоге здесь сложилась ситуация, при которой количество школьников убывало, а количество студентов, наоборот, росло. Частично это объяснялось тем, что тунисские власти шли по пути наименьшего сопротивления: вместо новых рабочих мест создавали все новые и новые университеты, в том числе провинциальные, не отличавшиеся высоким качеством преподавания, и тем самым породили поколение «лишних людей».

С первых лет независимости Туниса его правительство тратило значительные средства на развитие образования. Еще тогда здесь была поставлена задача охватить к 1968 г. системой начального (шестилетнего) образования 100 % детей младшего школьного возраста. Намеченная цель не была достигнута, но ныне почти все дети посещают начальную школу, многие – среднюю, хотя в ней велик процент второгодничества и отсева учеников.

Быстрыми темпами развивалась и система высшего образования, созданная практически на голом месте. Если в 1961 г. в Тунисе насчитывалось 2,3 тыс. студентов, то в 1997/98 уч. г. – 137 тыс., а в 2009/10 уч. г. – 346 тыс. Это почти 3 % населения страны. Однако параллельно с ростом числа учащихся вузов обострялась проблема трудоустройства их выпускников. Так, в 2007 г. невостребованными оказались 24,5 % молодых инженеров, 40 – физиков и математиков, 43 – магистров в области гуманитарных наук и 47 % – обладателей той же степени по экономике, менеджменту и праву [Данные Африканского...].

Динамика удельного веса безработных среди недавних выпускников высшей школы росла, как снежный ком: 3,8 % в 1994 г., 10,2 – в 2004 г., 21,9 – в мае 2009 г.³² и около 33 % (по приблизительной оценке) во второй половине 2010 г.

Особенно трудно было найти работу по месту жительства в слабоиндустриализированных южных и центральных районах страны, а также на северо-западе Туниса, где основной отраслью экономики является хлебопашество, городов мало. Для таких районов правительство, в структуре которого имелось министерство регионального развития, разработало в 2006 г. совместно с Тунисским союзом промышленности, торговли и ремесел программу помощи в трудоустройстве молодых выпускников вузов. Она включала переквалификацию кадров и поощрение предпринимателей, которые берут на работу этих выпускников, организуя для них стажировки, а также поддержку тех выпускников, что решаются на открытие малого бизнеса [La campagne nationale... 2009, p. 26–28]. Однако результативность этой программы была ограниченной. То же самое относится к попыткам привлечь частные инвестиции в депрессивные районы (или так называемые теневые зоны) путем предоставления налоговых каникул для новых предприятий. Зачастую, открыв их в тунисской глубинке, хозяева пользовались «каникулами», а потом переносили производство в прибрежные районы.

В число «теневых зон» входят вилайет Кассерин, где еще в 1960-е годы был построен бумажно-целлюлозный комбинат, перерабатывающий траву альфа (но это единственное крупное фабрично-заводское предприятие в данной области) и вилайет Сиди-Бу-Зид. Расположенный в полуаридной степной зоне, он страдает от засух, его сельскохозяйственная продукция если и перерабатывалась, то далеко от места производства. Предприятия пищевой и других отраслей промышленности в основном находятся в приморских районах Туниса, там же бурно развивалась индустрия туризма. В незавидном положении оказались также населенные пункты фосфоритного бассейна Гафса. Добыча фосфатов там была модернизирована, ведется теперь открытым способом, что снизило потребность в рабочей силе, химические предприятия, производящие удобрения, расположены опять же на побережье, в городах Сфакс и Габес. Как результат, в 2008 г. общий уровень безработицы в городе Гафса, центре горняцкого района, достигал 29,4 % (против среднего официального показателя по стране – 13,8 %), а среди молодежи 20–24 лет составил 56,9 %.

³² Результаты обследования, проведенного тунисским Национальным институтом статистики.

Не случайно именно область Гафса стала в первой половине 2008 г. ареной мощных забастовок, поддержанных местными профсоюзами. Волнения, каких в Тунисе давно не было, перекинулись на Кассерин. МВД и министерство обороны бросили свои силы на восстановление порядка. Перекрыты были шоссе, ведущие в Гафсу, попасть туда можно было только по боковым дорогам. Полиция стреляла на поражение, использовала водяные пушки и слезоточивый газ, два демонстранта погибли, многие получили ранения. Десятки бунтарей были арестованы, в том числе несколько местных профсоюзных лидеров, которые получили приговоры до восьми лет тюрьмы. В июне шахтерский поселок Редейеф оккупировали армейские части. Но эта баталия не получила столь широкого резонанса, как произошедший позже инцидент на одной из сонных улиц Сиди-Бу-Зида, потянувший за собой события, которые – без всякого преувеличения – потрясли весь арабский мир.

Напомним вкратце их канву. 17 декабря 2010 г. в этом захолустном городке (центре одноименной провинции) была перевернута тележка зеленщика Мухаммеда Буазизи, который во время перепалки с женщиной-полицейским якобы получил от нее пощечину. Служащая муниципальной полиции, заподозрившая Буазизи в том, что он обвешивал покупателей, отобрала у него лицензию на розничную торговлю, обиженный молодой человек направился в административный центр провинции, не получил там сочувствия и, облившись бензином, превратил себя в живой факел. Как сообщили в ожоговом центре, где он через несколько дней скончался, подобный случай был далеко не первым. Но его предали огласке блогеры Сиди-Бу-Зида. Это и послужило детонатором взрыва.

Вопреки распространенной версии 26-летний Буазизи не был безработным с университетским дипломом, он имел незаконченное среднее образование, так как не сдал экзамены на степень бакалавра (равную аттестату зрелости). Сирота по отцу, он хотел поступить на службу в армию, но был отбракован из-за слабого здоровья и занялся непрестижным делом, чтобы прокормить мать и сестер. Жили они скромно, но не в трущобе.

Не проскользни весть о самоубийстве Буазизи по каналам Интернета, который держался в Тунисе под жестким контролем, наверное, и жили бы обыватели Сиди-Бу-Зида, как раньше, а может быть, и лучше. Специальная комиссия Всеобщего тунисского союза труда (ВТСТ) провела исследование ситуации в этом районе, и 15 декабря 2010 г. (!) на уровне правительства было принято решение о выделении средств на особую программу развития вилайета Сиди-Бу-Зид. Но было уже поздно. И сколь бы ни отличалась информация блогеров от реальности, смерть зеленщика разожгла пламень тунисской революции, а сам он стал ее символом.

Свидетелей ссоры Буазизи с женщиной-полицейским было немного. И никто из них потом не смог подтвердить, что она дала ему пощечину. Некоторые говорили, что это он нанес ей грубое словесное оскорбление. Ее дважды арестовывали, в тюрьме она объявила голодовку протеста и начала завоевывать сочувствие тунисской публики. Между тем мэр Туниса-столицы (позже сам арестованный) поспешил переименовать площадь 7 ноября в площадь Мухаммеда Буазизи. В основание башенных часов, что стоят на этой площади, вмонтировали каменную плиту с соответствующей надписью, но вскоре плита была кем-то разбита, и площадь осталась безымянной. Однако в международных СМИ закрепилась первоначальная версия событий: Мухаммед Буазизи – жертва полицейского произвола, герой и т. д. Европарламент даже номинировал его посмертно на Сахаровскую премию, которая и была присуждена в декабре 2011 г.

«Мы хотим перемен!» и «Это сладкое слово свобода»³³

После инцидента в Сиди-Бу-Зиде почти по всей стране прокатились демонстрации протеста, в которых участвовали люди разных возрастов и социальных категорий: студенты, преподаватели, лица без определенных занятий, рабочие, мелкие предприниматели, госслужащие и адвокаты, выходившие на улицы в своих мантиях.

Первой реакцией Бен Али на беспорядки было данное им в конце декабря 2010 г. обещание, явно нереалистическое, создать в срочном порядке 300 тыс. новых рабочих мест. Снижены были цены на дотируемые сорта хлеба и на сахар. Но демонстранты требовали не дешевизны, а свободы слова и подлинного, а не показного политического плюрализма. Тогда Бен Али выступил 13 января 2011 г. с обращением к нации, в котором прозвучала знаменательная фраза: «Я вас понял», и пообещал больше не выставлять свою кандидатуру в президенты. На следующий день в 16:40 он сел вместе с женой и малолетним сыном на самолет, который унес их в Джидду. Франция отказалась принять беглецов. Что вынудило президента к бегству? Осада многолюдной толпой мрачного здания МВД на авеню им. Хабиба Бургибы. О некоторых деталях этого марша протеста нам рассказал его участник – адвокат Ахмед Седдик, который также передал слова своего пожилого отца: «Так вы же повторили маршрут демонстрации 9 апреля 1938 г.!» Его отец еще не знал, что это было не случайно, а запланировано. Только тогда, 73 года тому назад, люди шли митинговать под лозунгом «Власть тунисцам!» к зданию французской генеральной резиденции, теперь – к зданию МВД. Следует добавить, что головные отряды двух потоков этой толпы, слившихся на центральном проспекте Туниса-столицы, стартовали от штаб-квартиры Всеобщего тунисского союза труда и от Дворца правосудия (этот отряд состоял из адвокатов); к толпе, разумеется, примкнули и студенты, и безработная молодежь, и слоняющиеся по улицам подростки, в том числе футбольные фанаты, привыкшие к тому, что полиция смотрит на их выходки сквозь пальцы. А некто попавший в кадр телехроники развернул полотнище с портретом Че Гевары. Лозунги демонстрантов сначала были неопределенными: «*Хуррийа!*» («Свобода!»), «*Карам!*» («Достоинство!»). Когда же они собрались под окнами МВД, тут-то и раздался чей-то выкрик: «*Ирхаль Бен Али!*»

Полицейские стали переходить на сторону восставших, между ними началось братание. В свою очередь тунисская армия отказалась стрелять в демонстрантов. Стреляли «спецназовцы» – служащие Бригады общественного порядка (хотя некоторые из них тоже братались с народом, снимая каски) – и пока еще не идентифицированные снайперы, усевшиеся на крышах домов тунисской столицы. Более того, пополудни 14 января к президенту во дворец явился начштаба сухопутных войск генерал Рашид Аммар, который сказал без обиняков хозяину Карфагенского дворца: «С тобой все кончено!»

В связи с этим возникла скоропалительная версия, согласно которой «не спонтанные волнения народных масс», а продуманные действия «военной и экономической элиты» страны опрокинули старый режим, не устраивавший тех деловых людей, чьи интересы были ущемлены захватом ключевых государственных постов и ведущих позиций в бизнесе членами разветвленного президентского семейства [Демиденко С., Штойк М., 2011, с. 35; Быстров А.А.].

Однако тунисцы – представители профессуры, активисты и лидеры ряда политических партий, – с которыми мы многократно беседовали на месте событий в июне 2011 г., скептически относятся к версии о заговоре генералов и бизнесменов как движущей силе перево-

³³ Первая часть названия этого параграфа – цитата из популярной в годы советской перестройки песни Виктора Цоя, вторая – грустное название более старого фильма о событиях в Латинской Америке.

рота 14 января, считая, что если заговор и составил, то лишь на гребне волны «революционного кризиса». Они подтвердили мнение, которое у нас, да и не только у нас, сложилось заранее, что движение протеста в Тунисе шло «снизу», не имея ни тайных организаторов, ни явственных лидеров. Правда, некоторые элементы организованности появились в этом движении с 10 января, когда между тунисской Гильдией адвокатов и ВТСТ была достигнута договоренность о согласованных действиях.

Стоит остановиться еще на одной популярной версии заговора – влиянии внешних сил. Она зиждется на априорном мнении, что за спиной бунтующих масс в Тунисе, Египте и других арабских странах стояла некая иностранная (разумеется, западная) разведка [см.: Наумкин В.В., 2011, с. 291–292]. Но какой такой разведке могла быть поручена закулисная организация падения Бен Али, равно как Мубарака и даже эксцентричного Каддафи, игравших роль борцов с международным терроризмом? Прагматические интересы западных держав превалировали над их стремлением распространить по всему миру свои идеалы демократии.

Достаточно привести несколько примеров. Бывший американский посол в Тунисе Гордон Грей писал в своих секретных депешах о хищных финансовых аппетитах здешнего правящего клана, что и попало в документы, обнародованные Wikileaks. Он также отмечал зажим гражданских свобод в этой стране и то, что сотрудники посольства США натываются здесь на препоны в контактах с деятелями оппозиции и с молодежью, подвергаются слежке и т. п. Однако при этом официальный Вашингтон расхваливал умеренную внешнюю политику Туниса (в частности, по палестинскому вопросу). На май 2011 г. планировалось проведение в Тунисе военных учений «Феникс экспресс» с участием ВВС НАТО, европейских стран Средиземноморского бассейна и трех арабских государств: Туниса, Алжира и Марокко. Об этом плане 11 ноября 2010 г. сообщил командующий 6-м флотом США вице-адмирал Харрис. В том же месяце французский посол в Тунисе дал пресс-интервью, в котором подчеркнул, что Франция окажет этой стране всемерную поддержку на ее переговорах о «продвинутом» ассоциированном членстве в ЕС.

Очевидно, что агентура США не разжигала волнения ни в Королевстве Бахрейн, где находится база 5-го американского флота и через которое транспортируется саудовская нефть, ни в Египте. Ведь отстранение от власти Хосни Мубарака пошатнуло всю с трудом выстроенную конструкцию урегулирования ближневосточного конфликта, подняло «военную тревогу» в Израиле, укрепило позиции его политических «ястребов», подтолкнуло к согласию лидеров ФАТХ и ХАМАС, что явно противоречило интересам Белого дома.

Короче, сколь бы весомые аргументы ни приводились в пользу идеи о происках Запада как возбудителе «арабского бунта», которую развивал, например, Башар Асад в речи перед сирийским парламентом 30 марта 2011 г., она не выдерживает критики. А тот факт, что западные державы, которым на руку была внешняя политика и Туниса, и АРЕ, сравнительно быстро «сдали» и Бен Али, и Мубарака, объясняется тем, что руководители этих держав поняли: «Карта их протезе бита».

Именно это, но в иных словах, признал в одном из своих интервью Ален Жюппе, сменивший на посту министра иностранных дел Франции г-жу Мишель Аллио-Мари, которая провела в Тунисе рождественские каникулы 2010 г., воспользовавшись бесплатными услугами здешних бизнесменов и власть имущих, из-за чего и оскандалилась. Министр посетила Тунис вместе с родителями не только ради отдыха. Там она встретилась (по сведениям, просочившимся в прессу) с генералом Али Сериати, начальником личной охраны Бен Али, а 12 января 2011 г. предложила депутатам Национального собрания Франции рассмотреть вопрос об оказании помощи правоохранительным силам Туниса. Но это еще не все. Рене Мари, мать министра, уже была с октября 2010 г. дольщицей компании, которая благодаря связям с одним из зятьев Бен Али приватизировала часть эвкалиптового леса, посаженного более 60 лет назад для предотвращения эрозии почв на холмах Гамарты – ныне шикарного

курорта под Тунисом-столицей. В начале января 2011 г. была подписана и зарегистрирована сделка о выкупе г-жой Рене Мари доли основателей этой компании – Азиза Миледа и его сына [Beau N., Muller A., 2011, p. 29–32].

Красавица-чудовище и «жасминная революция» с запахом крови

События, разыгравшиеся в Тунисе на грани 2010–2011 гг., получили название (здесь говорят, введенное в обиход французской прессой) «второй жасминной, или жасминовой революции». Название не слишком удачное, ибо эти события в корне отличались от государственного переворота, который привел к власти тогдашнего премьера Бен Али, свершился за одну ночь и потом был назван в Тунисе «жасминной революцией» полуофициально, явно для того, чтобы придать демократический флер типичному дворцовому перевороту.

Во время второй революции, которая длилась не один день, но теперь упоминается как «Революция 14 января», число ее активных участников-демонстрантов достигало, по оценочным, причем минимальным, данным, 50–60 тыс. человек. Да и жертвы были немалые – около 200 погибших (пусть это на порядок меньше, чем в Египте, не говоря уже о Сирии), манифестанты вели себя порой агрессивно, крушили полицейские участки, метали камни и бутылки с зажигательной смесью, пытались взять штурмом высотное здание штаб-квартиры правящей партии. Правда, не нанесли ему такого ущерба, как разгромленной в Хаммамете вилле Сакера аль-Матри по прозвищу «золотой мальчик», набитой старинным фарфором, хрусталем, подлинными римскими статуями и другими предметами античного искусства. После бегства ее хозяина в Катар некоторое время вилла была открыта для посетителей, и они ходили по хрустящему ковру из осколков ваз, сервизов, люстр, а вот куда делся со двора тигр Паша, любимец хозяина, никто не знает.

Этот баловень судьбы, женившийся в 2004 г. на старшей дочери президента от второго брака Несрин, рассматривался, несмотря на свою молодость (он родился в 1981 г.), как вероятный политический преемник тестя. Введенный в состав ЦК ДКО, избранный в Палату депутатов, он выступал в двух ролях: потенциального «дофина» и придворного умеренного исламиста. Усердно молился пять раз в сутки, открыл вместе со своим другом – молодым имамом из Сиди-Бу-Саида религиозно-дидактический частный радиоканал «аз-Зейтуна» и первый в стране исламский банк «аз-Зейтуна» (ныне национализированный), земля под главный офис которого в столичном пригороде Крам была отобрана бандитским способом у ее прежнего владельца. Одноименный радиоканал вошел в медиаимперию, которую начал сколачивать Сакер аль-Матри. Так, явно при странных обстоятельствах им был куплен (сначала на 75 % и целиком в середине 2008 г.) частный издательский дом «Ас-Сабах», выпускавший два ежедневника – «Ас-Сабах» и «Le Temps» – и три еженедельника. До этого несколько лет тянулась судебная тяжба между наследниками основателя этого дома, умершего в 1993 г., инспирированная «главным цензором» страны Абд аль-Ваххабом Абдаллахом³⁴. Деловые интересы «золотого мальчика» простирались также на импорт автомобилей дорогих марок, турбизнес и другие сферы экономики.

Однако это – только один пример стремительного превращения в нуворишей членов семьи президента и его жены Лейлы Бен Али (в девичестве Трабелси), которая, подобно мужу, «попала из грязи – в князи», начав свою карьеру парикмахершей без среднего образования, оттеснила других фавориток Бен Али и постепенно стала его фактическим соправителем. На публичной арене эта элегантная особа, участница международных женских конгрессов и организаций, выступала глашатаем модернизма. «Сегодня тунисская женщина –

³⁴ Министр иностранных дел (август 2005 г. – январь 2010 г.), он до и после пребывания на этом посту являлся личным советником президента, возглавляя неформальный цензорский комитет, находившийся в Карфагенском дворце.

яркий символ современности нашего общества... опора наших светских культурных ценностей и принципов... заслон перед экстремизмом и фанатизмом», – говорила она 9 августа 2007 г. на конференции «Республиканский режим и роль женщины» [Le régime... 2007, p. 11].

Любительница красивой жизни, Лейла Бен Али не носила хиджаб (в отличие от своей дочери Несрин), а за нарядами и украшениями летала в Париж и Дубай.

Кровные родственники Лейлы (33 человека) образовали мафиозный клан, в котором видную роль играл Бельхасен Трабелси, старший брат первой леди страны, а Лейла Бен Али сделалась в глазах тунисцев воплощением коррупции, разъедавшей местный «правлящий класс», включавший как близких родственников, свояков и своячениц президентской четы, так и некоторых ее клеветников.

Между тем неприглядный политический портрет красавицы Лейлы был обрисован французскими публицистами в книге «Правительница Карфагена» [см.: Beau N., Graciet C., 2009]. Хотя в Тунисе эта книга, доступная в сетях Интернет, была запрещена, многие были знакомы с ее содержанием. Кроме того, о хищничестве здешней олигархии, доходившем до kleptomanii, как в случае Имада Трабелси, лихо угнавшего чужую яхту с Лазурного берега, прекрасно знали в Тунисе даже простые обыватели. Речь идет о племяннике Лейлы, который переименовал, перекрасил эту яхту и поставил на якорь в гавани для прогулочных судов близ Сиди-Бу-Саида. Владельцем яхты, на беду угонщика, оказался известный французский адвокат и друг Николя Саркози. Дело о краже в 2006 г. было раскрыто, но в конечном итоге замято. Выйдя сухим из воды, Имад Трабелси стал директором большого хозяйственного магазина с торговой площадкой 10 тыс. кв. метров – филиала французской фирмы «Viticorama», открытие которого состоялось в мае 2009 г.

Сама же Лейла прибирала к своим рукам все, что душе угодно: могла с легкостью конфисковать в свою личную собственность и часть национального лесопарка, и приглянувшуюся ей виллу с видом на море или лакомый кусок земли под какой-нибудь лавчонкой, харчевней, кофейней и т. п.

Не отставал от алчной супруги и президент. Основанный по его инициативе Фонд национальной солидарности 26–26 был поначалу каналом добровольного сбора средств на оказание адресной помощи малоимущим, а также на дорожное строительство и развитие коммунального хозяйства в «теневых зонах». Эти работы начались, но со временем затормозились, а деньги в благотворительный фонд, разрекламированный в качестве «народного», стали выбивать рэкетом у владельцев мелких заведений сферы производства и обслуживания. Как результат, Фонд 26–26 стал черной кассой Бен Али, который привык иметь такую, еще работая начальником службы армейской безопасности.

И хотя международный рейтинг восприятия коррупции равнялся в Тунисе 4,3 по десятибалльной шкале, будучи таким же, как в Латвии и Словакии, а его место по этому показателю было только 59-м в мире (из 178, последнее из которых занимало Сомали) [The 201 °Corruption...], грабительская деятельность «семьи» вызывала негодование тунисцев, в том числе крупных и средних предпринимателей, не допущенных к «кормушке», и представителей малого бизнеса – стержня среднего класса, считавшегося надежной опорой режима.

Несомненным является тот факт, что близость к президенту или его окружению открывала здесь деловым людям свободный доступ к получению кредитов из государственной и смешанной банковской системы. В свою очередь иностранные инвесторы, желавшие открыть свой бизнес в Тунисе, были вынуждены искать связи среди здешних лиц, близких к президентскому двору, сколь бы сомнительной ни была их репутация.

Перетряхивая грязное белье нового Карфагенского дворца, который был возведен рядом со старым (времен Бургибы), его бывший мажордом, сбежавший в Париж, упомянул среди прочего следующий эпизод. Незадолго до «Революции 14 января» Бен Али увидел страшный сон, о котором он рассказал. Приснился ему «святой» Сиди Хмид Баннур, изрек-

ший: «Ты перенес мою могилу, чтобы построить свой дворец. Я же перенесу тебя за моря, и ты умрешь на чужбине» [Ben Chrouda L., Soares I., 2011]. Правдива эта история или нет, но в конце июня 2011 г. в Тунисе состоялся заочный судебный процесс, в итоге которого Бен Али и его жена были приговорены к 35 годам тюрьмы именно за растрату государственных средств на строительство дворцов. Позже Бен Али получил дополнительные заочные приговоры: за пытки политзаключенных, расправу с манифестантами.

Не вдаваясь во все детали истории развития «финансового спрута» Бен Али – Трабелси, процветание которого началось в эпоху приватизации (ускоренной в 2000-х годов), следует отметить, что на каком-то этапе общество теряет относительно терпимое отношение к nepoтизму и коррупции. Это и произошло в Тунисе, казалось бы, в один миг.

Ощущение, что в стране назревает политический кризис, который, возможно, вновь разрешится путем дворцовой революции, испытывали здесь многие осведомленные люди. Оно возрастало по мере прогрессирования болезни Бен Али (онкологического характера), лечение которой велось либо за границей, либо в приватной клинике Карфагенского дворца гормональными препаратами. Под их воздействием президент лишь несколько часов в сутки был дееспособен, в остальное время всем заправляла Лейла. Таким образом, «трагедия политического долголетия» Бургибы повторилась в виде фарса.

Однако верхушечный государственный переворот если и готовился, то не состоялся; его опередил взрыв энергии протеста, накопившейся в недрах тунисского общества, основная масса которого долго, быть может, слишком долго не роптала.

Переходный период: гражданская Высшая инстанция

После бегства Бен Али президентские обязанности взял на себя, согласно Конституции, председатель Палаты депутатов Фуад Мебазаа, которого парламент наделил полномочием издавать декреты, имеющие силу закона³⁵. Временное («переходное») правительство возглавил Мухаммед аль-Ганнуши, занимавший пост премьер-министра с ноября 1999 г. Оба тут же объявили о своем выходе из рядов ДКО.

На первой же своей пресс-конференции Мухаммед аль-Ганнуши заявил, что главные задачи его правительства – нормализовать обстановку в стране, подготовить законопроект о всеобщей амнистии и организовать внеочередные парламентские выборы, которые впервые будут выведены из-под контроля министерства внутренних дел.

Тем временем в город Тунис двинулись из провинции, в том числе из Сиди-Бу-Зида, «караваны свободы», их участники, мало похожие на лиц с высшим образованием, несколько суток дневали и ночевали на площади Касбы перед зданием правительства, требуя ухода в отставку аль-Ганнуши и прочего «охвостья» старого режима. В первую очередь имелись в виду министры иностранных дел, внутренних дел и обороны.

Некоторые полагали, что это была чья-то провокация с целью вставить палки в колеса переходного правительства. Другие верили в «самостийность» манифестантов, хотя кто-то предоставил им грузовики и автобусы, на которых они прибыли. Премьер частично уступил их требованиям: сам он остался на своем посту, но 27 января снял указанных ключевых министров. На следующий день имел место разгон демонстрантов на площади Касбы, которых генерал Рашид Аммар, явившийся сюда безоружно и без охраны, напрасно призывал к сдержанности. Потом, они как приехали караваном, так и уехали.

Дальнейшая хронология основных событий первой половины 2011 г. была следующей. Решением парламента 6 февраля была приостановлена деятельность ДКО, его поме-

³⁵ Ожидалось, что в срок до 60 дней (согласно той же Конституции, модифицированной в 1988 г.) состоятся выборы нового президента, но по разным причинам этот вопрос был отложен.

щения закрыты. 25 февраля на площади Касбы произошла самая крупная манифестация с момента бегства Бен Али. Ее участники выражали солидарность с народом Ливии, требовали ухода в отставку аль-Ганнуши. На вопросы корреспондентов телеканала «Аль-Джазира» отвечали по-английски одной и той же заученной фразой: «Диктатор ушел, диктатура осталась». Манифестанты были разогнаны силами охраны правопорядка, причем не обошлось без жертв. ВТСТ пригрозил генеральной забастовкой.

Следом премьер подал в отставку. Исполняющий обязанности президента назначил вместо него Бежи Каида ас-Себси³⁶, который сформировал 7 марта новое правительство, состоявшее из «технократов». Он не пригласил в свой кабинет ни одного экс-министра эпохи Бен Али и взял обязательство со всех согласившихся в него войти не выдвигать свои кандидатуры ни в депутаты парламента, ни в президенты республики. Поэтому два члена предыдущих переходных правительств подали в отставку, так как намеревались побороться за президентское кресло. Это Ахмед Ибрагим и Нежиб Шебби, который тогда считался потенциальным фаворитом на будущих президентских выборах.

Среди первых шагов правительства Бежи Каида ас-Себси, положительно встреченных публикой, был роспуск политической полиции – сети платных агентов, существование которой восходит к началу 1960-х годов, но доселе отрицалось тунисскими властями, и ликвидация управления госбезопасности – особого отдела министерства внутренних дел. Сообщив 7 марта об этом решении на своем сайте, МВД подчеркнуло, что впредь оно будет работать, «соблюдая закон, уважая гражданские права и свободы»³⁷.

Девятого марта ДКО было распущено в судебном порядке. В том же месяце начался бурный процесс образования новых партий и регистрации тех, что ранее действовали нелегально. С 15 марта функции временной законодательной ветви власти, заменившей собой распущенный двухпалатный парламент, взяла на себя Высшая инстанция по реализации целей революции, политической реформе и демократическому транзиту. Неофициально ее называли кратко: «Высшая инстанция». Ее предшественниками были Комитет по защите революции и Высшая комиссия по политической реформе – группа из 15 юристов во главе с профессором права Йазом Бен Ашуром, которая разрабатывала предложения по модификации Конституции (до того, как было принято решение избрать Национальное учредительное собрание и поручить ему вотирование новой Конституции).

Руководитель Высшей инстанции Йаз Бен Ашур – выходец из старинной богословской семьи, патриархом которой на протяжении большей части минувшего века был Тахар Бен Ашур (1877–1973), сложивший полномочия шейха-ректора аз-Зейтуны в 1960 г., но до конца своей жизни остававшийся главным религиозным авторитетом страны. К этому времени многие молодые члены семейства Бен Ашур предались изучению светских наук, а некоторые тяготели к левым политическим взглядам.

То и другое относится к Сане Бен Ашур – сестре Йаза Бен Ашура. Она видный юрист и общественный деятель: возглавляла Ассоциацию тунисских женщин-демократок (АТЖД) до IX съезда, состоявшегося 3–5 июня 2011 г., на котором в порядке ротации была избрана новым председателем этой организации. Сам Йаз Бен Ашур – один из наиболее известных

³⁶ Бежи Каид ас-Себси (р. 1926) окончил юридический факультет Сорбонны и в 1952 г. занялся адвокатской практикой, но ненадолго. Приглашенный на должность атташе кабинета премьер-министра (апрель 1956 г.), он потом многие годы провел в коридорах власти. С 1963 г. занимал последовательно посты директора Службы национальной безопасности, министра внутренних дел, министра обороны и посла Туниса во Франции. В 1971 г. примкнул к фракции «либералов» в ЦК СДП и попал в опалу; принял участие в создании партии Движение демократов-социалистов (ДДС), основанной в 1978 г. Затем вернулся в ряды СДП и с декабря 1980 г. стал министром без портфеля, потом – министром иностранных дел (1981–1986). Падение Бургибы застало его послом в ФРГ; в 1989–1994 гг. он был членом Палаты депутатов и ее председателем (1990–1991). Сложив свои депутатские полномочия по истечении их срока, в основном вел жизнь пенсионера: лишь изредка выступал в Апелляционном суде по арбитражным делам и был членом Конституционного совета.

³⁷ Режим доступа: <http://fr-fr.facebook.com/ministere.interieur.tunisie>

в стране знатоков мусульманского права, автор многочисленных трудов на эту и смежные темы. Был членом Конституционного совета, но вышел из него в 1992 г. и, осудив в 2002 г. поправки к Основному закону, позволившие Бен Али вновь баллотироваться через два года на высший государственный пост, перешел в открытую оппозицию к режиму. Этот шаг Йаза Бен Ашура сделал его фигурой чрезвычайно популярной в среде либерально настроенной публики и неуютной властям. Недаром он был отправлен на пенсию в 2005 г. сразу по достижении 60-летнего возраста. Это в тунисских вузах – общее правило, но обычно для маститых ученых делают исключение.

Здесь очевидно различие между Тунисом с его традицией гражданского управления, заложенной Хабибом Бургибой, и Египтом, где роль «высшей инстанции», или «коллективного президента», узурпировал в феврале 2011 г. Высший совет военного командования во главе с министром обороны, фельдмаршалом Мухаммедом Хусейном Тантауи. Чем#то этот орган напоминает Совет руководства революцией (СРР), созданный в Египте после военного переворота 1952 г. Многие предсказывали, и не ошиблись, что рано или поздно армия АРЕ, хотя и численно сокращенная при президентах Садате и Мубараке, «скажет свое слово». Подобные предсказания в отношении Туниса не оправдались.

В состав Высшей инстанции, который постепенно расширялся, превысив 150 человек, вошли представители регионов, 12 политических партий, ВТСТ и ряда НПО, родители «шахидов революции», в том числе мать Мухаммеда Буазизи, и отдельные авторитетные лица. Это известные в стране ученые, профессора и доценты, например Абд аль-Азиз Шарфи.

Все декреты-законы и. о. президента проходили через предварительное рассмотрение Высшей инстанции, которая подготовила закон о выборах в Национальное учредительное собрание. Основанный на пропорциональной избирательной системе, он содержал положение, позволявшее даже малым партиям провести своих представителей в это собрание, а также пункт, согласно которому в списках кандидатов 50 % должны составлять женщины. Вместе с тем закон лишал пассивного избирательного права ведущих партийно-правительственных деятелей последних десяти предреволюционных лет и лиц, которые выступили официальными инициаторами плана переизбрания Бен Али в 2014 г.

По настоянию той же инстанции выборы в Учредительное собрание, первоначально назначенные на 24 июля 2011 г., были перенесены на октябрь. Данное решение мотивировалось тем, что составление уточненных списков избирателей требует довольно продолжительной работы. Однако его скрытая идея, которую нетрудно было угадать, заключалась в том, чтобы, во-первых, дать возможность светским партиям развернуть свою агитацию и, во-вторых, переждать время, когда симпатии весомой части потенциального электората качнулись в сторону исламистов. Они не были ни зачинателями, ни активными участниками «Революции 14 января», но постфактум стали набиваться в ее попутчики.

То обстоятельство, что в Тунис вернулся Рашид аль-Ганнуши, изменило здесь расклад политических сил. Едва сойдя с трапа самолета 30 января, он заявил, что идеалом руководимой им «Ан-Нахды» служит турецкая Партия справедливости и развития (ПСР)³⁸, по стопам которой намерены следовать умеренные тунисские исламисты, и что сам он не метит в президенты. Мол, надо уступать место молодым. Но затем этот 70-летний деятель обнаружил завидную энергию. Появлялся на телеэкранах то смиренно молящимся в мечети, то во время беседы с журналистами на его собственной квартире, обставленной с безвкусным шиком – под стать дворцу какого-нибудь эмира или шейха страны Персидского залива. Легализованная 1 марта под названием Движение «Ан-Нахда», его партия открыла штаб-квартиру в пре-

³⁸ Напомним, что ПСР возникла в результате раскола турецкой исламистской партии «Фазилет», завоевала 34,2 % голосов на парламентских выборах 2002 г., после которых создала однопартийное правительство.

стижном «европейском» квартале колониальной застройки, где заняла роскошный особняк, а 6 июня провела многолюдный митинг, приуроченный к 30-й годовщине основания ДИН, который состоялся в зале еще более престижного микрорайона, сравнительно недавно возведенного на берегу Тунисского озера (лагуны).

И это было не единственное мероприятие, посвященное юбилейной дате. Одно из них прошло в Муниципальном театре столицы, где в позолоченной президентской ложе восседали Рашид аль-Ганнуши и его бывший сподвижник Абд аль-Фаттах Муру – соучредитель Исламской группы, а затем генеральный секретарь «Ан-Нахды». В феврале 1991 г. он заморозил свое членство в ней (подробнее см. выше), а потом 20 лет мирно занимался адвокатской практикой, объявив, что навсегда отошел от политики, но, как видно, пересмотрел это решение. Правда, его обновленный союз с аль-Ганнуши был мимолетным: через неделю после юбилейных торжеств Муру заявил, что не нашел себе достойного места в руководстве «Ан-Нахды» и выбрал позицию независимого исламиста [Аш-Шурук... 2011].

По экспертным оценкам, сделанным в начале лета, большинство тунисцев, даже настроенных прийти к избирательным урнам, были далеки от решения, какой партии они отдадут предпочтение. При этом высказывалось мнение, что движение «Ан-Нахда» может собрать от 15 до 30 % голосов и что в любом случае оно составит вместе со своими союзниками – депутатами от других мелких, но идейно близких к нему партий – крупную фракцию в Национальном учредительном собрании. Тем более что по тактическим соображениям на мельницу «ан-Нахды» лили воду некоторые светские партии. В частности, это относится к партии Конгресс за республику, основанной в 2001 г. правозащитником Монсефом Марзуки, который был вынужден эмигрировать и последние годы провел в Париже, где работал неврологом. В этой малочисленной партии, действовавшей скорее во Франции, чем в Тунисе, сотрудничали деятели самой пестрой политической палитры: ультралевые и бывшие члены ДДС, «разочаровавшиеся» исламисты и поборники арабского национализма. Вернувшись в Тунис 18 января 2011 г., Марзуки сразу заявил о себе как о будущем президенте, но встречен был холодно. Толпа на площади Касбы его освистала и чуть не побила. Следом он, почти не известный тем, кто не посещал сайт www.moncefmarzouki.net, стал сателлитом «Ан-Нахды».

С середины июня тунисское лето вошло в свои права: прохладная погода, ветры и грозы уступили место изнуряющей жаре. Тем не менее под зонтами выставленных на улицу столиков кафе вдоль авеню Хабиба Бургибы с утра до позднего вечера было полно людей. Судя по обрывкам разговоров, которые невольно можно было услышать, эти люди обсуждали как житейские дела, так и развитие политической ситуации в стране.

Одним из острых вопросов, являвшихся предметом обсуждения в подобных разговорах, равно как и в местной печати, был вопрос о том, какую позицию по отношению к исламистам займет новая Тунисская партия труда – дочерняя организация ВТСТ, от которого к этому времени в очередной раз откололись два конкурирующих профцентра³⁹.

Дело в том, что на пике революционных событий базовые структуры ВТСТ почти сразу и почти везде поддерживали массовые народные выступления, а верхушке пришлось «тянуться за базой». Позже, пытаясь смыть с себя пятно прислужников павшего режима, профбоссы призывали к продолжению забастовок, усугублявших экономический хаос, не добавляя ни миллима⁴⁰ к заработной плате трудящихся. Наконец, по нашим сведениям из надежных источников, именно бонзы ВТСТ «свалили» правительство Мухаммеда аль-Ганнуши, подстроив обе демонстрации на площади Касбы, причем вторая из них, февральская, прошла не без помощи исламистов. Особо подозрительным выглядело то, что на митинге

³⁹ Один из них, Тунисский союз труда (ТСТ), возглавил Исмаил Сахбани, бывший генеральный секретарь ВТСТ (1989–2002), который на том посту угождал перед властями, но попал под суд за коррупционные дела.

⁴⁰ Миллим – разменная монета Туниса.

движения «Ан-Нахда», состоявшемся в апреле в Сфаксе, фигурировал генеральный секретарь местного отделения ВТСТ Мухаммед Шаабан, который уже 30 лет занимал этот пост и явно надеялся удержаться в своем удобном кресле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.